

Начало Вавилона.

„На всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе. Двинувшись съ Востока, они¹⁾ нашли въ землѣ Сеннааръ равнину и поселились тамъ. И сказали другъ другу: на-дѣлаемъ кирпичей и обожжемъ огнемъ. И стали у нихъ кир-пи-чи вмѣсто камней, а земляная смола²⁾ вмѣсто извести. И сказали они: построимъ себѣ городъ и башню, высотою до небесъ; и сдѣлаемъ себѣ имя, прежде нежели разсѣемся по лицу всей земли. И сошелъ Господь посмотреть городъ и башню, которые строили сыны человѣческие. И сказалъ Го-сподь: вотъ, одинъ народъ, и одинъ у всѣхъ языкъ; и вотъ, что начали они дѣлать, и не отстанутъ они отъ того, что задумали дѣлать; сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ чтобы одинъ не понималъ рѣчи другаго. И разсѣяль ихъ Господь оттуда по всей землѣ; и они перестали строить городъ (и башню). Посему дано ему имя: Вавилонъ³⁾, ибо тамъ смѣшалъ Господь языкъ всей земли, и оттуда разсѣяль ихъ Господь по всей землѣ“⁴⁾.

Такое повѣствованіе мы читаемъ на одной изъ первыхъ страницъ Библіи,—повѣствованіе о началѣ существованія знаменитаго впослѣдствіи Вавилона, столицы могуществен-

¹⁾ „Сыны Ноевы“.

²⁾ У LXX „асфальтъ“.

³⁾ У LXX и въ нашей славянской Библіи—„смѣшеніе“.

⁴⁾ Быт. 11, 1—9.

ныхъ древнихъ государей, средоточного пункта древне-восточной культуры.

Мѣсто, на которомъ положено было первоначальное основаніе Вавилона, самъ Бытописатель указываетъ въ *Сеннаарѣ*. Это—большая равнина, лежащая среди рѣкъ Тигра и Евфрата и простирающаяся до самого Персидскаго залива. Такое топографическое положеніе Вавилона опредѣляютъ и древніе историки и географы¹⁾. Кажется, отъ этого положенія своего среди двухъ рѣкъ равнина Сеннааръ получила и свое название²⁾. Въ клинообразныхъ ассирио-авилонскихъ надписяхъ этого библейского названія страны мы не встрѣчаемъ; тамъ видимъ другое, по всей вѣроятности и филологически сродное съ употребленнымъ у Бытописателя: это „Сумиръ“. Такъ (собственно „Сумиръ и Аккадъ“) называли область своихъ владѣній всѣ древніе вавилонскіе цари, обозначая этимъ терминомъ именно обширный округъ, сосредоточенный вокругъ столичнаго города своего Вавилона; ассирийскіе цари называли себя „царями Сумира и Аккада“ только въ то время, когда въ числѣ непосредственныхъ владѣній ихъ былъ и Вавилонъ³⁾. Въ сѣверной части обширной равнины Сеннааръ и было положено основаніе городу, получившему название Вавилона.

Что касается времени указываемаго события, то этотъ вопросъ, за недостаткомъ опредѣленныхъ, положительныхъ данныхъ, решаютъ различно.

Время вавилонскаго столпотворенія обыкновенно опредѣляется на основаніи библейскаго указанія о „раздѣленіи

¹⁾ Геродотъ. Исторія, пер. Мищенка. Т. I. М. 1885. Стр. 91.—Страбонъ. Географія, пер. Мищенка. М. 1879. Стр. 754.

²⁾ Schrader. Die Keilinschriften und das Alte Testament. Giessen. 1872. S. 19.

³⁾ Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek, Band III—1. Halftе, Berlin, 1892; Band II, 1890.

земли во дни“ Фалека¹⁾). Подъ этимъ „раздѣлениемъ земли“ естественно разумѣть то „разсѣяніе Господомъ по всей землѣ“, какое постигло вавилонскихъ столпоторителей²⁾. Фалекъ былъ родоначальникомъ пятаго поколѣнія въ потомствѣ Сима³⁾,—и естественно, бывшее во дни его „раздѣление“ или „разсѣяніе“ должно было отстоять отъ потопа и времени жизни Сима на такой промежутокъ времени, какой нуженъ для смыны приблизительно четырехъ поколѣній рода человѣческаго пятымъ. Бытописатель даетъ намъ для такого вычислениія даже опредѣленныя цифры. Симъ родилъ сына своего Арфаксада чрезъ 2 года послѣ потопа; Арфаксадъ родилъ Каинана 35 по еврейскому тексту, а по переводу LXX и самаританскому тексту—135 лѣтъ отъ рода; Каинанъ родилъ Салу 130 лѣтъ отъ рода, по переводу LXX (въ еврейскомъ и самаританскомъ текстахъ Каинанъ вовсе не упоминается въ ряду постѣпотопныхъ патріарховъ, и Сала называется прямо сыномъ Арфаксада); Сала родилъ Евера 30 по еврейскому тексту, а по переводу LXX и самаританскому тексту 130 лѣтъ отъ рода; Еверъ родилъ Фалека 34 по еврейскому тексту, а по переводу LXX и самаританскому тексту 134 лѣтъ отъ рода⁴⁾). Сумма приведенныхъ цифровыхъ данныхъ должна означать число лѣтъ, протекшихъ отъ потопа до рожденія Фалека,—приблизительно до того „раздѣлениія земли“, съ которымъ исторически связано было начало Вавилона. Сумма эта по еврейскому тексту равняется 101 году; къ этой цифре, для исторической правды, нужно

¹⁾ Быт. 10, 25; 1 Пар. 1, 19.

²⁾ „Что иное слѣдуетъ разумѣть подъ раздѣлениемъ земли, какъ не раздѣлениѣ посредствомъ различія языковъ?“, замѣчаєтъ блаж. Августинъ (Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ. Творенія блаж. Августина, ч. 5. О градѣ Божіемъ. Кіель. 1882. Стр. 158).

³⁾ Симъ—сынъ Ноя; у Сима былъ сынъ Арфаксадъ, у Арфаксада—сынъ Каинанъ, у Каинана—сынъ Сала, у Сала—сынъ Еверъ, у Евера—сынъ Фалекъ.

⁴⁾ Быт. 11, 10. 12. 14. 16.

прибавить число лѣтъ жизни Каинана до рожденія отъ него Салы, такъ какъ Каинанъ дѣйствительно существовалъ¹⁾; опредѣляя число это приблизительно въ 30—35 лѣтъ, сообразно съ хронологическими данными, касающимися другихъ указанныхъ выше патріарховъ, и прибавляя его къ цифре 101, получимъ 131—136, вѣроятное число лѣтъ отъ потопа до рожденія Фалека. Имѣя въ виду первую цифру, опредѣляли время вавилонскаго столпотворенія приблизительно 114—115 г. послѣ потопа²⁾, прибавляя, очевидно, къ числу 101 нѣсколько лѣтъ жизни Фалека; а принимая во вниманіе число лѣтъ жизни Каинана до рожденія отъ него сына, и прибавляя къ общей суммѣ то десятки, то даже цѣлые сотни лѣтъ жизни Фалека³⁾, сообразно съ тѣми или иными историческими данными, относили это событие то къ половинѣ II вѣка послѣ потопа⁴⁾, то къ тѣмъ или инымъ годамъ второй половины II вѣка⁵⁾, то къ началу III столѣтія⁶⁾, то къ его концу⁷⁾. Даже Эвальдъ, совершенно своеобразно понимающій фактъ „раздѣленія земли во дни“ Фалека и приписывающій это „раздѣленіе“ уже Симу, распредѣлившему земные наработы между своими потомками и тѣмъ положившему

¹⁾ За обстоятельнымъ и документальнымъ решеніемъ этого вопроса отсылаемъ читателя къ специальному „Изслѣдованию библейской хронологии“ Спаскало, Киевъ, 1857, стр. 51—63.

²⁾ Calmet. Sainte Bible. Paris. 1820. P. 530.

³⁾ Фалекъ жилъ всего по еврейскому и самаританскому текстамъ 239, а по перевodu LXX—339 лѣтъ.

⁴⁾ Fürst. Geschichte der biblischen Literatur. I. B. Leipzig. 1867. S. 138.

⁵⁾ Keil und Delitzsch. Biblischer Commentar über d. A. T. I. Th., I. B.: die Bücher Moses. Leipzig. 1861. S. 120.—Lange. Theologisch-homiletisches Bibelwerk. I. Th.: die Genesis. Bielefeld u. Leipzig. 1864. S. 182.—Roos. Einleitung in die biblischen Geschichten des Alten Testaments. Stuttgart. 1876. S. 190.—Эбрапродъ. Апологетика. Т. II. Спб. 1877. Стр. 547.—Рождественский. Христіанская апологетика. Ч. II. Спб. 1884. Стр. 357—358.

⁶⁾ Köppen. Die Bibel. Ein Werk der göttlichen Weisheit. II. B. Leipzig. 1837. S. 334.

⁷⁾ Kurtz. Geschichte des Alten Bundes. I. B. Berlin. 1864. S. 38.

начало мирному распространенію по земному шару послѣ потопныхъ поколѣній, а на самое столпотвореніе смотрящій, какъ на попытку искусственного и насильственнаго соединенія разныхъ родовъ подъ одною монархическою властію¹), — и Прессель, подъ „раздѣленіемъ земли“ понимающій выдѣленіе изъ общей семьи потомковъ Ноевыхъ рода Хамова въ 100-мъ году по выходѣ Ноя изъ ковчега, поселеніе этого рода въ долинѣ Сеннаарской и полное обособленіе его здѣсь, съ постройкой самостоятельнаго центра—города²), — и тѣ относятъ столпотвореніе вавилонское приблизительно къ тому же времени—Эвальдъ ко II вѣку послѣ потопа³), а Прессель—къ концу III вѣка⁴). Разность между указанными хронологическими датами, доходящую иногда чуть не до двухъ столѣтій, по существу нельзя считать значительною, въ виду полнаго соотвѣтствія этихъ датъ тому первоисточнику, на которомъ онѣ основываются. Только соображеніе Хомякова, принимающаго имена родоначальниковъ—потомковъ Симовыхъ за имена цѣлыхъ родовыхъ общинъ, а періодъ жизни родоначальника—за періодъ нераздѣльной жизни его рода, опредѣляемый приблизительно въ 450 лѣтъ,—и потому отодвигающаго время столпотворенія до 1867 года послѣ потопа⁵), — явно идетъ противъ библейскаго текста и ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

Если по еврейскому тексту Библіи число лѣтъ, протекшихъ отъ потопа до рожденія Фалека, опредѣляется въ 101 годъ, или, исторически точнѣе, въ 131—136 лѣтъ, то по переводу LXX число это равняется 531 году; съ этимъ со-

¹⁾ Ewald. Erklrung der biblischen Urgeschichte. Jahrbcher der bibliischen Wissenschaft. IX. Jahrb. 1858. S. 11, 14—15.

²⁾ Pressel. Geschichte und Geographie der Urzeit. Nrdlingen. 1883. S. 150—152, 156—157.

³⁾ Ewald. Erklrung d. bibl. Urgeschichte. S. 11.

⁴⁾ Pressel. Geschichte und Geographie d. Urzeit. S. 156—157.

⁵⁾ Хомяковъ. Обзоръ всемирной истории. Т. IV. Москва. 1873. Стр. 11—12.

вершенно согласенъ быль бы и самаританскій текстъ, если бы онъ, подобно еврейскому, не исключалъ изъ числа послѣ-потопныхъ патріарховъ Каинана. Разница въ итогахъ въ четыре столѣтія происходитъ отъ разницы числа лѣтъ жизни отдѣльныхъ патріарховъ по текстамъ еврейскому и греческому: въ послѣднемъ число лѣтъ жизни Арфаксада, Каинана, Сала и Евера до рожденія отъ нихъ слѣдующихъ за ними патріарховъ увеличено ровно 100 годами для каждого патріарха сравнительно съ цифровыми данными еврейского текста (если внести въ этотъ текстъ Каинана и противъ его имени поставить 30 лѣтъ). Предполагается одно изъ двухъ: или въ еврейскомъ текстѣ, намѣренно или неумышленно, подлинныя числа (если они сохранились у LXX) уменьшены на 100 лѣтъ каждое, или греческіе переводчики несправедливо увеличили ровно на 100 лѣтъ число лѣтъ жизни каждого патріарха въ еврейскомъ оригиналѣ. Ближайшее разсмотрѣніе хронологическихъ датъ, касающихся жизни четырехъ названныхъ патріарховъ, заставляетъ насть отдать безусловное предпочтеніе греческому переводу. Если вѣрить цифрамъ еврейского текста, то выйдетъ, что не только въ 101 или 131—136 году послѣ потопа были живы Еверъ, и Сала, и Каинанъ, и Арфаксадъ, и Симъ, и даже самъ Ной ¹⁾), но что всѣ эти патріархи (и Ной) далеко пережили вавилонское столпотвореніе и разсѣяніе единой дотолѣ человѣческой семьи. Но, съ одной стороны, пребываніе въ живыхъ очевидцевъ потопа—Ноя и Сима—нѣть основаній предполагать, съ другой—эти очевидцы грозного гибѣва Божія надъ доинотопнымъ человѣчествомъ, конечно, въ силахъ были остановить и остановили бы грѣховные замыслы и предпріятія своихъ потомковъ, если бы сами они въ то время были въ живыхъ. И вообще, въ интересахъ исторической правдоподобности, скорѣе можно отдалять время вавилонского столпотворенія, чѣмъ

¹⁾ Быт. 9, 28; 11, 10—16.

приближать его: сравнительно высокое состояніе архитектурного искусства, размноженіе человѣческаго рода, передвиженіе потомковъ Ноевыхъ въ новые предѣлы земли—все это, ярко отмѣченное въ библейскомъ повѣствованіи о столпотвореніи, говоритъ въ пользу долгаго времени, нѣсколькихъ столѣтій,—а не одной только сотни лѣтъ,—протекшихъ отъ возрожденія новой жизни на землѣ послѣ потопа¹⁾.

По библейской хронології²⁾, именно по переводу LXX³⁾, всемирный потопъ долженъ быть отнесенъ къ 2262 году отъ сотворенія міра⁴⁾; принимая за несомнѣнное указываемое въ переводѣ LXX число лѣтъ отъ потопа до рождения Фалека и прибавляя эту цифру (531) къ 2262, получимъ 2793. Разумѣется, никакихъ основаній нѣтъ относить къ тому же году и вавилонское столпотвореніе: послѣднее было „во дни“ Фалека, въ періодъ возмужалой жизни его, какъ родоначальника,—въ такой періодъ времени, который едва ли бы могъ быть названъ съ равнымъ правомъ „днями“ отца, или дѣда, или сына этого патріарха⁵⁾. Во всякомъ случаѣ время жизни Фалека опредѣляется 2793—3132 г.г. по сотворенію міра⁶⁾ или 2715—2376 г.г. до Рождества Христова. Вавилонское столпотвореніе, вѣроятнѣе всего, было около 2600 г. до Рождества Христова.

¹⁾ Мы не вводимъ въ настоящій очеркъ специального, документальнаго решенія вопроса о подлинности хронологическихъ датъ именно перевода LXX, а принимаемъ ее на вѣру, опираясь на данные, представленные въ „Изслѣдованіи библейской хронології“ Спасскаю, стр. 16—49.

²⁾ Быт. 5, 3. 6. 9. 12. 15. 18. 21. 25. 28; 7, 6.

³⁾ Данныя, представляемыя г. Спасскимъ въ пользу хронологическихъ показаний перевода LXX, относятся равно и къ хронологіи допотопнаго времени.

⁴⁾ По еврейскому тексту—къ 1656 году.

⁵⁾ По замѣчанію Евтихія, патріарха александрийскаго, вавилонское столпотвореніе произошло на 46-мъ году жизни Фалека (Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca posterior, tom. CXI. Parisiis. 1863. P. 919).

⁶⁾ Быт. 11, 18—19.

Посмотримъ теперь, что даютъ намъ вибѣблейскіе источники для решенія вопроса о началѣ существованія Вавилона. Конечно, преимущественаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ источники вавилонскіе, въ частности наиболѣе достовѣрный изъ нихъ—клинообразныя надписи.

Обращаясь къ поэтической литературѣ ассирио-вавилонянъ, мы встрѣчаемъ уже интересныя для себя данныя. Въ одномъ изъ преданій ассирио-вавилонскихъ о твореніи міра читаемъ слѣдующее: „священный домъ, домъ боговъ, еще не былъ выстроенъ на священномъ мѣстѣ, тростникъ еще не произрасталъ, деревья еще не разводились, кирпичъ еще не укладывался, кирничныя постройки еще не производились, дома еще не строились, города еще не строились, города еще не были известны, толпа еще не собиралась, Нипшуръ еще не былъ выстроенъ, Екуръ еще не былъ построенъ, Ерехъ еще не былъ выстроенъ, Еана еще не былъ построенъ, океанъ еще не былъ сотворенъ, Ириду еще не былъ построенъ, священный домъ, домъ боговъ, его жилище, еще не было построено, вся земля была еще моремъ, а посреди моря былъ бассейнъ,—тогда былъ построенъ Ириду, была выстроена Исагилла, та Исагилла, которая до того была среди океана Лугалдуазага, былъ выстроенъ Вавилонъ, была окончена Исагилла, и боги Ануинаки, которыхъ онъ также создалъ, дали имъ высокое название „священного города“, „жилища пріятнаго ихъ сердцу“... Чтобы побудить боговъ поселиться въ жилищѣ пріятномъ ихъ сердцу, онъ (Меродахъ) создалъ людей... Онъ создалъ Тигръ и Евфратъ и провелъ ихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, дать имъ название подходящаго рода... Меродахъ уложилъ кирпичи, возвелъ кирничныя постройки, построилъ дома, выстроилъ города, произвелъ на свѣтъ города,... выстроилъ Нипшуръ, построилъ Екуръ, выстроилъ Ерехъ, построилъ Еана...“¹⁾). Мы привели это мѣ-

¹⁾) Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. VI. Band, 1. Teil. Assyrisch-babylonische Mythen und Epen, von Jensen. 1. Hälften. Berlin. 1900. S. 39—43.

сто въ довольно длинной выдержкѣ, въ виду интереса его въ общемъ послѣдовательномъ ходѣ мыслей. Послѣ нагляднаго, картинааго изображенія времени, предшествовавшаго появленію вселенной, здѣсь представляется дѣло вавилонскаго творца-диміурга Меродаха: ему приписывается созданіе рѣкъ вавилонскихъ—Тигра и Евфрата, ему приписывается изготошеніе кирпичей, возведеніе построекъ, сооруженіе домовъ, основаніе древнѣйшихъ городовъ—Ниппира, Ереха, Ириду съ ихъ извѣстными храмами Екуръ и Еана; ему приписывается основаніе и „священнаго города“—Вавилона, и „жилища пріятнаго сердцу“ боговъ—зnamenитаго храма вавилонскаго Исагиллы; мало того: появленіе въ новосозданной вселенной „священнаго города“ съ его знаменитымъ святилищемъ изображается какъ бы предшествующимъ самому появленію человѣка на землѣ. Разумѣется, это—произведеніе возбужденной восточной фантазіи ассиро-вавилонянина. Но для нась интересъ—интересъ историческій—оно, несомнѣнно, имѣть: приведенное мѣсто свидѣтельствуетъ, что вавилоняне исторію своего главнаго города возводили къ самымъ первобытнымъ временамъ, ко временамъ какъ бы доисторическимъ; если обратимъ вниманіе на сущность библейскаго разсказа о стolпотвореніи, на его указаніе, что это стolпотвореніе съ сопровождающими его обстоятельствами положило начало не только городу Вавилону, но и вавилонскому языку, и вавилонской націи, и вавилонской, слѣдовательно, исторіи,—тогда очевидно будетъ для нась значеніе—въ смыслѣ исторического материала—приведенного нами выше мѣста изъ дoшедшей до нась литературы ассиро-вавилонянъ.

Въ другихъ произведеніяхъ поэтической клинообразной литературы мы встрѣчаемъ даже болѣе опредѣленные исторические намеки. Въ поэмѣ о Гильгамѣ (Нимродѣ) читаемъ: „Суришакъ городъ..., расположенный на берегу Евфрата, этотъ городъ существуетъ съ древнихъ временъ; въ немъ боги, великие боги, собрались, чтобы послать на землю по-

тоиъ“; далѣе слѣдуетъ разскaзъ о новелїніи богоvъ нѣкоему Утиапистиму, жителю Суриппака, построить для своего спасенія ковчегъ, послѣ чего идетъ исторія самого потопа¹⁾). Если такая, до потопа еще древность приписывалась вавилонянами городу Суриппаку, отожествляемому съ Ириду²⁾), то аналогія только-что приведенного мѣста съ указаннымъ выше отрывкомъ изъ преданія вавилонского о твореніи міра заставляетъ насъ предполагать, что такую же до потопную древность приписывали вавилоняне и своему „священному городу“. Въ миоѣ о богѣ Ира мы встрѣчаемъ отрывочные слова, касающіяся уже самого Вавилона: „городъ древній господина страны... потопъ не...“³⁾). Установить точный смыслъ этихъ нѣсколькихъ словъ трудно; одно очевидно— это какая-то связь между городомъ Вавилономъ и потопомъ, вѣроятнѣе всего—связь хронологическая; на это предположеніе наводитъ насъ указанное нами выше мѣсто о Суриппакѣ.

Въ исторической клинообразной литературѣ ассирио-аввилонянъ мы видимъ такія же характерныя данныя. Самсуилуна, царь вавилонской, начинаетъ одну изъ своихъ историческихъ надписей такими словами: „когда Вилъ, царь неба и земли, милостиво взглянулъ на Меродаха, перворожденного сына бога Ea, даровалъ ему власть надъ четырьмя странами свѣта, высокимъ именемъ назвалъ его среди Анунаки (духовъ низкихъ областей вселенной), основалъ Вавилонъ, его городъ, для мѣстопребыванія его...“⁴⁾). Слова, представляющія полную аналогію съ приведеннымъ уже нами отрывкомъ изъ преданія вавилонского о твореніи міра; раз-

¹⁾ Jensen. Assyrisch-babylonische Mythen und Epen. 1. Hälften. S. 231.

²⁾ Jensen. Assyrisch-babylonische Mythen und Epen. 2. Hälften, 2. Lieferung. Berlin. 1901. S. 481.

³⁾ Jensen. Assyrisch-babylonische Mythen und Epen. 1. Hälften. S. 63.—2. Hälften, 1. Lieferung. Berlin. 1901. S. 332—333.

⁴⁾ Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Band III—1. Hälften. S. 131.

ница только въ томъ, что въ этомъ преданіи основаніе Вавилона приписывается Меродаху, здѣсь же такимъ основателемъ считается третій главный богъ вавилонскій—Виль. Прибавимъ къ этому еще одно историческое указаніе: внѣшняя, наружная стѣна, окружавшая Вавилонъ, носила знаменательное название „Нимидъ-Виль“ (Немитти-Виль), что въ переводе значитъ „основаніе Вила“¹⁾. Какое историческое значеніе можно придавать такимъ, повидимому историческимъ, обстоятельствамъ,—понятно само собою; прибавлять что либо къ сказанному уже нами выше—излишне.

Затѣмъ, въ одной изъ такъ называемыхъ „хроникъ“ древнихъ царей вавилонскихъ содержится рядъ именъ, между прочимъ, *допотопной* династіи вавилонскихъ царей, а затѣмъ—такой же рядъ именъ царей, жившихъ преемственно непосредственно послѣ потопа²⁾). Разумѣется, какъ ни характерны такого рода историческія таблицы вавилонянъ, но собственно исторического историкъ въ нихъ найдетъ немного: подобного рода допотопныя и послѣпотопныя династіи вавилонскихъ царей нельзя не признать миѳическими,—настолько же миѳическими, какъ и исчисляемую вавилонскими историками продолжительность существованія вавилонскаго царства въ 36000 лѣтъ³⁾). Но въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ дѣйствительно-историческихъ царей вавилонскихъ историческаго элемента уже гораздо больше. Въ надписяхъ Дунги, царя города Ура, читаемъ: „Нана, владыцицѣ Еаны,... Дунги... царь Ура, царь Сумира и Аккада, снова возстановилъ Еану“⁴⁾). Римъ-Синъ, царь той же династіи, свидѣтельствуетъ, что подъ его власть боги отдали „Ерехъ, лежащій въ развалинахъ городъ“⁵⁾). Обращаемъ вниманіе на

¹⁾) Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Band II. S. 125 — Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. 2. Teil. Gotha. 1888. S. 447.

²⁾) Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Band II. S. 272.

³⁾) Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. 1. Teil. Gotha. 1886. S. 95.

⁴⁾) Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Band III—1. Hälften. S. 81.

⁵⁾) Ibid., S. 95.

эти мѣста въ параллель съ указанными выше отрывками изъ поэтической клинообразной литературы вавилонянъ. Время царствованія Римъ-Сина нужно отнести приблизительно къ концу XVI или началу XV вѣка до Р. Хр.; Дунги же жили и царствовалъ гораздо раньше. И въ ихъ времена уже городъ Ерехъ и его святилище Еана находились въ развалинахъ,—следовательно, нужно заключать, построены они были гораздо раньше. А Ерехъ, припомнить,—это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ на территоріи вавилонской, по времени основанія близко стоящій къ самому Вавилону¹⁾. Въ параллель только-что указаннымъ мѣстамъ, упомянемъ еще обѣ одной изъ клинообразныхъ надписей Навуходоносора II, где онъ упоминаетъ о „древнѣйшихъ культурныхъ формахъ“ Ереха, а затѣмъ замѣчаетъ, что „на древнемъ закладномъ камнѣ Еаны онъ заложилъ новый фундаментъ“²⁾. Можетъ быть, конечно, происхожденіе „древнѣйшихъ культурныхъ формъ“ Ереха или „древняго закладного камня“ Еаны, какъ эта „древность“ представлялась Навуходоносору, не восходитъ ранѣе, напр., Дунги или Римъ-Сина; но при всемъ томъ понятіе „древности“ есть понятіе достаточно растяжимое, а для нашей цѣли упоминаніе о „древности“ еще и знаменательно.

Далѣе, въ надписяхъ Набоннида, царя вавилонского, упоминается о „возвышающейся уступами башнѣ въ Урѣ, построенной древнимъ царемъ Урукомъ“³⁾. Урукъ или Ургуръ, отецъ Дунги⁴⁾, царствовалъ приблизительно въ концѣ XXI или началѣ XX вѣка до Р. Хр. Слѣдовательно, въ его время, приблизительно около 2000 г. до Р. Хр., городъ Уръ не только вообще существовалъ, но, можно сказать,

¹⁾ Ср. Быт. 10, 10.

²⁾ Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Band III—2. Hѣlfte. Berlin. 1890. S. 37.

³⁾ Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Band III—2. Hѣlfte. S. 95.

⁴⁾ Ibid.

давно существовалъ. А Уръ принадлежитъ тоже къ числу древнѣйшихъ городовъ въ землѣ вавилонской¹⁾), и основаніе его нельзя слишкомъ отодвигать отъ времени основанія самого Вавилона. Упомянемъ еще о двухъ мѣстахъ изъ лѣтоисцей того же Набоннида. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ: „мнѣ, Набонниду, царю, своему почитателю, повелѣлъ Самасъ возстановить Ибарру и, какъ было въ прежнее время, сдѣлать этотъ храмъ его любимымъ мѣстомъ пребываніемъ... Быть открытымъ закладной камень храма...; здесь я увидѣлъ именную надпись Гаммураби, древняго царя, который за 700 лѣтъ до Бурнабуріаса построилъ для Самаса Ибарру и башню на древнемъ основаніи“...²⁾). Въ другомъ мѣстѣ содержится слѣдующая запись: „для Самаса, судіи неба и земли, Ибарру, его храмъ, находящійся въ Сиппарѣ, который (храмъ) построилъ прежде меня бывшій царь Навуходоносоръ и котораго древній закладной камень онъ искалъ, но не нашелъ,—этотъ храмъ онъ возстановилъ, но чрезъ 45 лѣтъ стѣны его упали... Я разрушилъ до основанія этотъ храмъ и искалъ его древняго закладного камня. Я велѣлъ прокопать на 18 локтей въ глубину, и Самасъ показалъ мнѣ закладной камень Нарамсина, сына Саргона,—камень, который въ теченіе 3200 лѣтъ ни одинъ бывшій до меня царь не могъ найти“...³⁾). Цифра 3200, встрѣчающаяся здесь, вѣроятно, значительно преувеличена въ видахъ національного стремленія вавилонскихъ историковъ къ возможному растяженію времени существованія вавилонскаго царства. Гаммураби, упомянутый въ первой надписи, царствовалъ приблизительно около 1500 г., а Нарамсинъ, сынъ Саргона I,—около 1950 г. до Р. Хр. Указываемъ на эти хронологическія даты въ обоснованіе того, что и г. Сиппара, го-

¹⁾ Ср. Быт. 11, 28.

²⁾ Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Band III—2. Hälften. S. 91.

³⁾ Ibid., S. 103—105.

родъ значительный по своей величинѣ, славный по своему историческому значенію, въ ХХ вѣкѣ до Р. Хр. существовалъ и, можно предполагать, былъ уже благоустроенъ; а и этотъ городъ, принадлежавшій къ числу городовъ, сосредоточенныхъ вокругъ своей столицы Вавилона, имѣть за собою большую древность¹⁾; тѣмъ большее, естественно, число лѣтъ носить на себѣ самъ древній Вавилонъ.

Мы имѣемъ въ числѣ дошедшихъ до насъ клинообразныхъ надписей Навуходоносора II одну, имѣющую непосредственное отношеніе уже къ самому Вавилону. „Въ то время, говорится здѣсь, существовала Іуриминанки (въ переводе „местопребываніе семи отдаленій неба и земли“), возвышающаяся уступами башня въ Борсиинѣ, которую прежде бывшій царь построилъ и возвелъ на 42 локтя въ высоту, но до вершины не довелъ; давно уже она разрушилась, стокъ воды не былъ упорядоченъ, дождевые потоки и бури ниспровергли ея стѣны, кирпичи, бывшіе на поверхности ея, потрескались, кирпичи внутри ея святилища были набросаны кучей; великій господинъ Меродахъ побудилъ сердце мое возобновить ее“...²⁾). Надпись эта, знаменательная сама по себѣ, обращала на себя вниманіе ассиріологовъ съ самого же появленія своего въ ученоомъ мірѣ. Попытки воспроизвести въ точности ея текстъ и уяснить ея содержаніе вызвали въ средѣ ученыхъ изслѣдователей разночтенія ея, значительно видоизмѣняющія самый ея смыслъ. Не указывая мелкихъ и маловажныхъ разностей въ различныхъ редакціяхъ надписи, отмѣтимъ только двѣ существенные; это—мѣста: „возвелъ на 42 локтя въ высоту“ и „давно уже она разрушилась, стокъ воды не былъ упорядоченъ“. Первое мѣсто читаютъ иначе: „она (башня) покрывала 42 мѣры земли“³⁾; но гораздо знаменательнѣе другое чтеніе

¹⁾ Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. 1. Teil. S. 83.

²⁾ Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Band III—2. Hälften. S 53—55.

³⁾ Menant. Babylone et la Chald e. Paris. 1875. P. 217.

того же мѣста: „насчитываютъ 42 человѣческія жизни съ того времени“ ¹⁾). Второе мѣсто надписи имѣть тоже различные редакціи: „люди оставили ее (башню) со дnia потопа“ ²⁾,— „люди оставили ее со дня потопа, со дня безпорядочнаго произнесенія словъ“ ³⁾,— „съ древнихъ временъ люди оставили ее, когда стали безпорядочно произносить слова“ ⁴⁾. Конечно, всѣ указанныя разночтѣнія только благопріятствуютъ признанію возобновленной впослѣдствіи Навуходоносоромъ башни въ Борсишѣ тою башнею или „столпомъ“, постройка которой повела къ смѣшенію языковъ и разсѣянію народовъ. Каждая изъ указанныхъ редакцій очень характерна: массивная величина вавилонской башни („42 мѣры земли“), время ея постройки („42 человѣческія жизни“ до Навуходоносора, если положимъ на каждую „человѣческую жизнь“ приблизительно около 48 лѣтъ), близость вавилонского столпотворенія ко времени потопа, смѣшеніе языковъ („безпорядочное произнесеніе словъ“), какъ посльствіе столпотворенія и причина прекращенія дальнѣйшей постройки башни,—эти знаменательныя черты даютъ поводъ къ широкимъ предположеніямъ. Но и въ редакціи, предложенной Шрадеромъ ⁵⁾, приведенный нами отрывокъ изъ надписи Навуходоносора имѣть для нашей цѣли большую цѣну. Прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе мѣсто, указанное въ надписи,—Борсиша. Въ клинообразныхъ надписяхъ этотъ городъ называется лежащимъ „въ правительственномъ окружѣ Вавилона“ ⁶⁾. Что обозначается этимъ

¹⁾ *Journal asiatique*, 1857, t. X, p. 218—219.—*Smith. A Dictionary of the Bible.* V. III. London. 1863. P. 1554—1555.

²⁾ *Menant. Babylone et la Chald e .* P. 217.

³⁾ *Journal asiatique*, 1857, t. X, p. 218—219.

⁴⁾ *Smith. A Dictionary of the Bible.* V. III. P. 1554—1555.

⁵⁾ Ср. и *Schrader. Die Keilinschriften und das Alte Testament.* S. 37—41.

⁶⁾ *Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek.* Band IV. Berlin. 1896. S. 223.

терминомъ,—цѣлая ли область съ цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ городовъ, среди которыхъ Вавилонъ былъ только областнымъ, главнымъ по политическому значенію городомъ,—или же только самій Вавилонъ, обведенный двумя стѣнами, изъ которыхъ внутрення ограждала въ собственномъ смыслѣ Вавилонъ, а внѣшняя—и предмѣстья его,—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ Борсиппа лежала внутри первыхъ стѣнъ Вавилона, была предмѣстьемъ его или какъ бы укрѣпленною западною частію самого Вавилона, западнымъ окружомъ столицы, хотя и называлась „городомъ“ (какъ бы отдѣльнымъ, самостоятельнымъ); позже она получила название даже „второго Вавилона“¹⁾). Если такъ, то и вавилонскій „столпъ“ могъ быть не только на мѣстѣ собственно Вавилона, т. е. города, окруженнаго второю, внутреннею стѣною, но и на мѣстѣ Борсиппы; иначе сказать,—„столпъ“ вавилонскій даѣтъ основаніе этой древней столицѣ; въ какую же сторону впослѣдствіи сталъ развиваться и распространяться самый городъ, это—вопрѣкъ уже послѣдующей его исторіи. Затѣмъ, свое значеніе имѣть „башня въ Борсиппѣ, которую прежде бывшій царь построилъ“. Конечно, этимъ „прежде бывшимъ царемъ“ могъ быть кто либо изъ сравнительно недавнихъ ко времени Навуходоносора царей; но самая башня не только „давно“ существовала, но „давно уже“ ко времени Навуходоносора и „разрушилась“,—такъ разрушилась, что представляла изъ себя въ то время груду каменьевъ, съ кое-гдѣ возвышавшимися еще остатками своего первоначальнаго вида и устройства. Такія характерныя черты указываютъ не только на „давнее“, но и на „очень давнее“ время постройки башни, и ея сильное разрушеніе среди одной изъ частей древняго Вавилона естественнѣе всего объясняется

¹⁾ *Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. 1. Teil. S. 83.—2. Teil. S. 448.—Menant. Babylone et la Chaldée. P. 264.—Cavaniol. Les monuments en Chaldée, en Assyrie et à Babylone. Paris. 1870. P. 308.*

именно временемъ. Рааумѣется, опредѣлить приблизительную продолжительность этого времени нѣтъ данныхъ; но, при совокупности другихъ, уже указанныхъ нами оснований, и эта „башня“ говорить о большой древности самого Вавилона.

Какъ видно, о времени основанія столицы вавилонской нѣтъ определенныхъ указаний въ приведенныхъ нами мѣстахъ клинообразной литературы ассирио-аввилонянъ. Съ исторической точки зрења это и понятно: въ то время только получилось существованіе вавилонскій языкъ, образовался вавилонскій народъ, какъ обособленное цѣлое, въ то время онъ только начиналъ,—даже еще не начиналъ,—свою историческую жизнь, не имѣлъ еще своей исторической эры. Отсюда понятны и исчисленія вавилонскими историками времени существованія вавилонского царства въ 36000 лѣтъ, и предположенія о допотопномъ еще существованіи нѣкоторыхъ городовъ вавилонскихъ, и составленіе таблицъ допотопныхъ еще царей вавилонскихъ, и т. п. Но при всемъ томъ памятники вавилонскіе приписываютъ своему „священному городу“ древнее происхожденіе. И съ первыхъ же временъ вавилонской исторіи, съ первыхъ лѣтъ существованія вавилонского государства, городъ Вавилонъ уже существуетъ. Недаромъ въ умахъ сравнительно позднѣйшихъ поколѣній вавилонянъ сложилось убѣжденіе объ основаніи этого города Виломъ или Меродахомъ, виновникомъ всего видимаго міра: національная вавилонская память многихъ поколѣній не могла указать исторического момента, когда бы ихъ Вавилонъ не существовалъ, и готова была цоявленіе его на свѣтъ относить ко времени появленія самой вселенной. Если въ лѣтописяхъ древнѣйшихъ царей вавилонскихъ и встрѣчаются замѣчанія о „построеніи“ Вавилона¹⁾, то эти замѣчанія имѣютъ такой же смыслъ, какъ и упоминанія другихъ царей о „возстано-

¹⁾) Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Band III—1. Hälften. S. 103.

влені“ Вавилона¹⁾, объ упорядоченіи его²⁾, о „расширѣніи“ этой столицы³⁾, объ украшеніи ея⁴⁾ и т. п.

Обратимся еще къ другимъ виѣбблейскимъ источникамъ, содержащимъ въ себѣ данныхя о времени основанія города Вавилона. Берозъ, вавилонскій жрецъ, жившій въ концѣ IV и началѣ III в. до Р. Хр., передаетъ слѣдующее сказаніе, касающееся этого города: Ксизутръ (бблейскій Ной), спасшійся отъ потопа въ ковчегѣ, „когда увидѣлъ, что ковчегъ остановился на горѣ, вышелъ изъ него съ женой, дочерью и кормчимъ, поклонился землѣ, устроилъ жертвеникъ, принесъ жертву богамъ и затѣмъ исчезъ вмѣстѣ съ остальными вышедшими изъ ковчега. Оставшіеся въ ковчегѣ, видя, что Ксизутръ и спутники его не возвращаются, сами вышли и стали искать его, громко призывая его по имени. Ксизутра они больше не видѣли; но раздавшійся въ воздухѣ его голосъ велѣлъ имъ быть благочестивыми, такъ какъ и онъ за свое благочестіе имѣеть жить вмѣстѣ съ богами, и такой же чести имѣютъ быть удостоены его жена, дочь и кормчій. Онъ велѣлъ имъ идти снова въ Вавилонъ и, согласно опредѣленію боговъ, передать людямъ взятые изъ Сиппары писанія, и сказалъ, что мѣсто, на которомъ они тогда находились, есть Арменія. Когда они услышали это, они принесли жертву богамъ и пошли иѣшкомъ въ Вавилонъ... Когда они пришли въ Вавилонъ, они вырыли писанія въ Сиппарѣ, основали много городовъ, возстановили храмы и при этомъ отстроили снова Вавилонъ“⁵⁾). Это любопытное сказаніе, утверждающее о донотопномъ еще существованіи Вавилона, происхожденіе этого города возводить,

¹⁾ Ibid., Band II, S. 121, 153.

²⁾ Ibid., Band III—1 H., S. 119.

³⁾ Ibid., S. 133.

⁴⁾ Ibid., Band II, S. 73.

⁵⁾ Smith. Chald ische Genesis,  bers. von Delitzsch. Leipzig. 1876. S. 43—44.—L ken. Die Traditionen des Menschengeschlechts. M nster. 1856. S. 180.

вѣроятно, къ первымъ временамъ существованія рода человѣческаго на землѣ; по крайней мѣрѣ, тотъ же Берозъ, въ соотвѣтствіе десяти библейскимъ до потопнымъ патріархамъ, называетъ тоже десять уже вавилонскихъ до потопныхъ царей, послѣднимъ изъ которыхъ бытъ Ксизутръ¹⁾. Сказаніе — интересное еще и потому, что оно находится въ соотвѣтствіи съ нѣкоторыми упоминаніями клинообразныхъ надписей, указанными нами выше. Гораздо ближе къ исторической истинѣ другой писатель древняго міра — Евполемъ. Онъ „передаетъ, что городъ Вавилонъ, а затѣмъ и башня его, о которой сообщаютъ всѣ историки, были выстроены тѣми, которые спаслись отъ потопа; а это были исполины“²⁾. Конечно, это сообщеніе имѣетъ извѣстную связь съ разсказомъ Бероза; разница между ними въ томъ, что Берозъ передаетъ о *вторичной* уже постройкѣ или „отстройкѣ“ Вавилона спасшимися отъ потопа; чѣмъ же именно объясняется эта вторичная постройка Вавилона,—уничтоженіемъ ли его всемірнымъ потопомъ или какимъ либо другимъ обстоятельствомъ,—трудно сказать. Арабскіе и персидскіе исторіографы передаютъ сказаніе объ основаніи Вавилона еще до потопа — Маделейломъ, сыномъ Каинана; другіе считаютъ основателями этого города одного изъ трехъ древнѣйшихъ персидскихъ царей — Гушенка, Тагамурата или Зогака, изъ которыхъ послѣдній персами отожествлялся съ библейскимъ Нимродомъ³⁾. Это персидское сказаніе въ нѣкоторой своей части имѣетъ для себя основаніе въ Библіи: въ составѣ „царства“ библейскаго Нимрома входилъ, между прочимъ, и Вавилонъ⁴⁾. Затѣмъ, упоминаніе о тожествѣ Зогака съ Ни-

¹⁾ Lüken. Die Traditionen des Menschengeschlechts. S. 134.—Menant. Babylone et la Chaldée. P. 10—11.

²⁾ Collectio selecta ecclesiae patrum, ed. Caillau et Guillon. Tomus XIX. Parisiis. 1830. P. 543.

³⁾ D' Herbelot. Bibliothéque orientale. Paris. 1697. P. 159, 1016

⁴⁾ Быт. 10, 10.

мродомъ даетъ намъ указаніе, къ какому приблизительно времени относить основаніе Вавилона персидское преданіе. Нимродъ—внукъ Хама, сына Ноева¹⁾). Если мы возьмемъ соответствующія библейскія числа лѣтъ, касающіяся потомства Симова, и предположимъ, что Нимродъ могъ жить приблизительно между 130 и 500 г. послѣ потопа, тогда окажется, что и персидское преданіе относитъ основаніе столицы вавилонской приблизительно къ тому же,—по крайней мѣрѣ очень недалекому,—времени, устанавливаемому и библейскою хронологіей. Греческіе писатели — Страбонъ²⁾, Ктесій, Клитархъ³⁾—считаютъ основательницей Вавилона царицу Семирамиду ассирийскую, жену и преемницу царя Нина. Эта Семирамида—личность загадочная: клинообразныя надписи о ней не упоминаютъ, а сообщенія обѣ этой царицѣ классическихъ историковъ подвергаются большой критикѣ⁴⁾). Если доцустимъ, что это—дѣйствительное, историческое лицо, а не поэтическій только типъ, или не измѣненное только название какой либо изъ известныхъ намъ послѣдующихъ ассирийскихъ царицъ⁵⁾,—тогда не можемъ упустить изъ вниманія сообщенія св. Епифанія Кипрскаго⁶⁾ и Евсевія Кесарійскаго⁷⁾ о томъ, что Нинъ и Семирамида были современники Авраама,—следовательно, жили только спустя приблизительно 5—6 стоять послѣ вавилонского столпотворенія. При такой установкѣ событий, разница между хронологическими исчислѣніями начала существованія Вавилона, устанавливаемыми Библіей,

¹⁾ Быт. 10, 1. 6. 8.

²⁾ Страбонъ. Географія, пер. Мищенка. Стр. 82, 754.

³⁾ Іосифъ Флавій. О древности іудейского народа. Противъ Апіона. Пер. Израэльсона и Генкеля. Спб. 1898. Стр. 32.

⁴⁾ Menant. Babylone et la Chaldée. P. 41—43.

⁵⁾ Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. 1. Teil. S. 212—213.

⁶⁾ Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ, т. XLII. Творенія св. Епифанія Кипрскаго, ч. I. Москва. 1863. Стр. 33.

⁷⁾ Collectio selecta ecclesiae patrum. Tom. XIX. P. 625—626.

и указаніями классическихъ историковъ въ общемъ не представляется значительною. Кромѣ того, Геродотъ, который, впрочемъ, упоминаемую имъ Семирамиду считаетъ, очевидно, уже позднѣйшею въ исторіи Вавилона личностію, изображаетъ ее царствовавшею уже по основаніи Вавилона, о самомъ этомъ основаніи и основателяхъ города не говоря ни слова¹⁾). Эти слова Геродота, конечно, мало соотвѣтствуютъ указаніямъ св. Епифанія и Евсевія; но, при разнообразіи сообщеній древнихъ писателей о началѣ столицы вавилонской и при трудности опредѣлить сравнительную ихъ достовѣрность, и это упоминаніе Геродота не лишено всякаго значенія: оно наводить на мысль о существованіи Вавилона еще до Семирамиды, которой, можетъ быть, принадлежитъ только отстройка, развитіе²⁾, а не первоначальное основаніе Вавилона. Если эта отстройка можетъ принадлежать, напр., временамъ Авраама, то первоначальное основаніе города должно быть отнесено ко временамъ раниѣйшимъ: для приблизительного опредѣленія такого времени первая библейская книга даетъ достаточный отвѣтъ.

Какъ видимъ, въ решеніи вопроса о началѣ существованія Вавилона внѣбиблейскіе источники по существу не противорѣчатъ Біблії. Конечно, положительного отвѣта на этотъ вопросъ,—отвѣта *исторического*,—они не даютъ; а предложенія о существованіи города съ первыхъ временъ бытія рода человѣческаго, или объ основаніи Вавилона въ теченіе продолжительного периода времени между сотвореніемъ міра и всемірнымъ потопомъ, или о построеніи этой столицы спасшимися отъ потопа—все это только единичныя возврѣнія, одно другія исключающе. Но то важно, что ко времени позднѣйшему приблизительно 2600 г. до Р. Хр. основанія Вавилона ни одно изъ указанныхъ нами сужденій не относиться. И это

¹⁾ Геродотъ. Исторія, пер. Мищенка Т. И. Стр. 94, 97.

²⁾ Ср. выраженія Флавія и Страбона о „построеніи“ Вавилона Семирамидой, сооруженіяхъ въ немъ и проч.

обстоятельство,—эти немалочисленныя свидѣтельства въ пользу большой древности Вавилона служатъ для историка именно свидѣтельствомъ въ пользу, по меньшей мѣрѣ, правдоподобности библейской хронологіи касательно даннаго обстоятельства, а для настъ, вѣрующихъ въ истинный богоудовновенно-исторической характеръ Библіи, служать новымъ подтверждениемъ „отъ внѣшнихъ“, подтверждениемъ для вѣрующаго ума, что библейское повѣствование есть священная исторія, исторія въ общемъ и во всѣхъ частностяхъ.

Кому могла принадлежать идея вавилонского столпотворенія и кто въ дѣйствительности былъ участниками его?

Нужно припомнить, что съ именемъ города Вавилона Библія связываетъ имя одного лица, жившаго дѣйствительно во время близкое къ самому столпотворенію; это—имя Нимрова, внука Хама¹⁾. Ему приписывается идея столпотворенія Іосифъ Флавій. „Три сына Ноя Симъ, Іафетъ и Хамъ, такъ начинаетъ онъ свое повѣствованіе объ этомъ, родившемся за сто лѣтъ до потопа, первые спустились съ горъ на равнины, поселились здѣсь и убѣдили прочихъ людей, сильно боявшихся низинъ и неохотно спускавшихся съ возвышенныхъ мѣстъ вслѣдствіе опасенія новаго потопа, смѣло послѣдовать ихъ примѣру. Равнина же, на которой они для начала поселились, называется Сеннааръ. Когда же Господь Богъ повелѣлъ имъ выдѣлить изъ своей среды часть людей, вслѣдствіе сильнаго ихъ размноженія, и послать ихъ на новыя мѣста, чтобы имъ не ссориться между собою и чтобы они, обрабатывая большое пространство земли, имѣли полный достатокъ въ плодахъ, они по невѣжеству не повиновались Господу Богу и потому подверглись бѣдствіямъ и испытали результаты своей грѣховности. Когда же среди нихъ значительно увеличилось количество молодежи, Господь Богъ снова приказалъ имъ

¹⁾ Быт. 10, 10.

раздѣлиться и разселиться. Они же и на этотъ разъ ослушались повелѣнія, такъ какъ, съ одной стороны, полагали, что владѣютъ всѣмъ своимъ имуществомъ не по благости Господней, а съ другой—были того мнѣнія, что ихъ собственная сила является причиною ихъ настоящаго благополучія. Къ этому неповиновенію волѣ Господа Бога они присоединили еще предположеніе о зломъ умыслѣ Божества, которое будто побуждаетъ ихъ къ разселенію, чтобы тѣмъ легче справиться съ ними. Къ такому дерзкому ослушанію относительно Господа Бога побудилъ ихъ Нимродъ, внукъ Хама, сына Ноева, человѣкъ отважный и отличавшійся огромною физическою силою. Онъ убѣдилъ ихъ не приписывать своего благоденствія Господу Богу, а считать причиною своего благополучія собственную свою доблѣсть. Спустя немногого времени Нимродъ сталъ домогаться верховной власти, будучи убѣжденъ, что люди только въ томъ случаѣ перестанутъ бояться Бога и отиадутъ отъ него, если согласятся жить подъ властною защитою его, Нимрода. При этомъ онъ хвастливо заявлялъ, что защититъ ихъ отъ Господа Бога, если бы Тотъ вновь захотѣлъ наслать на землю потопъ. Онъ совѣтовалъ имъ построить башню болѣе высокую, чѣмъ насколько могла бы подняться вода, и тѣмъ отомстить за гибель предковъ. Толпа единодушно выразила желаніе послѣдовать предложеніямъ Нимрода и стала считать новиновеніе Господу Богу позорнымъ рабствомъ. И вотъ они начали строить башню, не щадя рвенія и усилий...“¹⁾). Видѣли мы, что съ именемъ Нимрода связываютъ начало Вавилона персидскіе исторіографы, отожествляя его, впрочемъ, съ именемъ одного изъ древнѣйшихъ персидскихъ царей. Въ Персіи и другихъ странахъ Востока есть немало преданій о вавилонской башнѣ, соединяющихся съ именемъ Нимрода; турки багдадскіе даже

¹⁾ Йосифъ Флавій. Іудейскія древности, перевѣ Генкеля. Томъ I. Спб. 1900. Стр. 18—19.

развалины этой башни называютъ „Ески Нимродъ“, т. е. древній Нимродъ¹⁾). Въ юго-западной части самого Вавилона находятся остатки башни, въ древности носившей название „Изида“; теперь они называются „Бирстъ Нимрудъ“, т. е. башня Нимрода²⁾). Основанія, много говорящія въ пользу дѣятельного участія Нимрода въ обстоятельствахъ, предварявшихъ и сопровождавшихъ собою основаніе Вавилона. И такое предположеніе о Нимродѣ занимаетъ замѣтное мѣсто въ богословской литературѣ. Этого древняго дѣятеля представляютъ монархомъ, подчинившимъ своей власти послѣ потопного человѣчества, научавшимъ его безбожію и нечестію,—отличительнымъ качествамъ его самого, Нимрода,—и убѣдившимъ предпринять постройку столиця высотою до неба³⁾). На чёмъ, однако, основываютъ такое предположеніе? На томъ, прежде всего, что по Быт. 10, 10 Вавилонъ входилъ въ составъ „царства“ Нимрода, откуда выводятъ, что послѣдній былъ и основателемъ этого города. Указываютъ, да же, на характеристику самого Нимрода въ Быт. 10, 8—9: „сей началъ быть силенъ на землѣ; онъ былъ сильный звѣроловъ предъ Господомъ Богомъ“, откуда будто бы слѣдуетъ, что въ этомъ „звѣроловѣ“ нужно видѣть человѣка, потерявшаго вѣру во всемогущество Божіе, располагавшаго и другихъ къ тому же нечестію, и притомъ на силѣ и коварствѣ,—качествахъ, выработавшихся въ его характерѣ упражненіями въ охотѣ,—основывавшаго свое господство надъ подвластнымъ ему

¹⁾ D' Herbelot. Bibliothéque orientale. P. 159.

²⁾ Menant. Babylone et la Chald e. P. 187.—Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. 2. Teil S. 445.

³⁾ Langc. Theologisch-homiletisches Bibelwerk. 1. Th. S. 187.—Haneberg. Versuch einer Geschichte der biblischen Offenbarung. 2. Aufl. Regensburg. 1852. S. 37.—Bunsen. Vollst ndiges Bibelwerk. I. B. Leipzig. 1858. S. 30—31.—B hmer. Das erste Buch des Thora. Halle. 1862. S. 161.—Thiersch. Die Anfnge der heiligen Geschichte. Basel. 1877. S. 82—83.—М. Филиаретъ. Начертаніе церковно-бibleйской исторіи. Изд. 7. М. 1840. Стр. 49.—Солярскій. Опытъ бibleйского словаря. Т. ІІІ. Спб. 1883. Стр. 60.

человѣчествомъ¹⁾). Такое широкое предположеніе можно было составить только путемъ извращенія библейского текста, и, измѣнивъ библейскій предлогъ „предъ Господомъ“ въ „противъ Господа“, выработать изъ библейского „сильнаго звѣролова предъ Господомъ“ человѣка, пребывающаго „въ упрямствѣ въ отношеніи къ Іеговѣ, возстающаго противъ Бога спасенія, нарушителя Божественныхъ обѣтованій о милости Божіей къ людямъ“²⁾.

Что можно сказать по поводу такихъ предположеній о Нимродѣ? Прежде всего, царствованіе его, а тѣмъ болѣе монархическое правленіе его надъ послѣпотопнымъ человѣчествомъ едва ли можетъ быть доказано. Самъ Іосифъ Флавій не называетъ его царемъ, монархомъ, и если замѣчаетъ о стремлениіи его къ верховной власти, то это, позднее уже по времени, домогательство съ прекращеніемъ постройки вавилонской башни, очевидно, кончилось ничтѣмъ. Библейскія данные не даютъ никакихъ основаній заключать о существованіи среди послѣпотопного человѣчества до столпотворенія царской, монархической власти; они говорятъ совершенно противное. Родоначальниками послѣпотопного человѣчества являются Симъ, Хамъ и Гафетъ³⁾; они начали собою три отдѣльные линіи человѣчества, постепенно раздроблявшіяся на новыя вѣтви поколѣній, сохранявшія, однако, преемственную связь со своими родоначальниками⁴⁾, связь не только племенную, но и нравственную. Отличительныя особенности характера родоначальника преемственно отражались во всемъ его потом-

¹⁾ Dillmann. Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum Alten Testament. XI. Lieferung. Die Genesis. I. Lieferung. 5. Aufl. Leipzig. 1886. S. 184.—Lange. Theol.-homil. Bibelwerk. 1. Th. S 176.—Солярскій. Опытъ библ. словаря. Т. III. Стр. 61.

²⁾ Keil und Delitzsch. Biblischer Commentar über d. A. T. I. Th., 1. B. S. 111.

³⁾ Быт. 9, 18—19.

⁴⁾ Быт. 10.

ствѣ. Довольно указать на библейское повѣствованіе о трехъ сыновьяхъ Ноя. Различіе въ отношеніяхъ каждого изъ нихъ къ отцу ¹⁾ основывалось, разумѣется, на природныхъ ихъ особенностяхъ; это различіе перешло на нравственное направленіе и ихъ потомства. Правда, пророчество Ноя о судьбѣ его сыновей ²⁾ для потомства Хама и Іафета намѣчаетъ какъ бы пространственная ихъ границы и только въ отношеніи къ потомству Симову указываетъ на развитіе и сохраненіе въ немъ истиннаго богопознанія; однако и эти пространственная границы намѣчались не безотносительно, а въ связи съ духовными отношеніями той и другой линіи человѣчества. Пророчество Ноя, по самому характеру своему, какъ пророчества, коренилось на созерцаніи будущаго состоянія богоизвестія въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ его потомковъ: только потомство Симово созерцалось Ноемъ сохранившимъ истинное богопознаніе; потомство Іафета, постепенно ослаблявшее въ себѣ истинное богопочтеніе, созерцалось, какъ направившее свои умственно-нравственные силы на расширение своихъ пространственныхъ территорій; рабство же потомковъ Хама ставилось въ связь съ потерей ими истиннаго богопознанія. Такое направление каждого поколѣнія давало основаніе и племенной обособленности его, несмотря на физическое родство съ двумя другими,—и устройству собственной фамильно-родовой жизни, собственного управлѣнія или, правильнѣе, руководства своихъ же старѣйшинъ — родоначальниковъ, и фактически затрудняло соединеніе всего человѣчества въ одно цѣлое, въ одну „монархію“, подъ вѣшнимъ управлѣніемъ одного „монарха“. Вотъ почему существованіе до столпотворенія Нимрода-монарха, монарха надъ всѣмъ тогдашнимъ родомъ человѣческимъ, представляется исторически едва ли возможнымъ. Далѣе, „звѣроловля“ Нимрода говоритъ

¹⁾ Быт. 9, 22—23.

²⁾ Быт. 9, 25—27.

только о существованиі среди тогдашняго человѣчества этого благодѣтельнаго по существу занятія, служившаго и средствомъ защиты себя и близкихъ и средствомъ пропитанія, и ничего богоопротивнаго въ себѣ не заключающаго: Самъ Богъ „отдалъ въ руки“ человѣка „всѣхъ звѣрей земныхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ, все, что движется на землѣ, и всѣхъ рыбъ морскихъ“, „все движущееся, что живетъ“, отдалъ имъ „въ пищу“, а человѣка сдѣлаль предметомъ „страха и трепета“ для міра животнаго¹⁾). Извращеніе же буквы библейскаго текста, естественно, можетъ вести только къ извращенію и самаго смысла его, съ простымъ, естественнымъ пониманіемъ его ничего общаго не имѣющему. Затѣмъ, Библія не даетъ основаній говорить о Нимродѣ, какъ о непосредственному дѣятелю и даже иниціаторѣ столпотворенія: сравнительно обстоятельное замѣчаніе о Нимродѣ стоитъ совершенно отдельно отъ новѣствованія о столпотвореніи, и въ послѣднемъ имя Нимрома не упоминается. Упоминаніе же о „царствѣ“ Нимрома въ глазахъ экзегетовъ и библейскихъ историковъ принимаетъ иной смыслъ,—указапія на „царствованіе“ его уже по столпотвореніи, и значитъ—уже по основаніи Вавилона, а самому учрежденію Нимромомъ царства сообщаетъ характеръ попытки путемъ внѣшняго соединенія человѣчества воспрепятствовать его разсѣянію²⁾). Пространный разсказъ Флавія о возмущеніи рода человѣческаго противъ Божества и, какъ слѣдствіи его, о постройкѣ башни съ цѣллю отомстить (Богу?) за гибель предковъ, а себя обез-

¹⁾ Быт. 9, 2—3.

²⁾ Calmet. Sainte Bible. I part. P. 486.—Köppen. Die Bibel. II. B. S. 333—334.—Schroeder. Le premiere livre de Moïse. I partie. Paris. 1850. P. 281—285.—Köhler. Lehrbuch der biblischen Geschichte A. T. 1. Hälften. Erlangen. 1875. S. 70—71.—Roos. Einleitung in die biblische Geschichte des A. T. S. 185.—Geikie. The Bible by modern Light I part. London. 1893. P. 221—222.—Stosch. Alttestamentliche Studien. 1. Th. Gütersloh. 1896. S. 76.—Эбрардъ. Апологетика. Т. II. Стр. 165.—Соловьевъ. Теократія праотцевъ. Правосл. Обозрѣніе, 1886 г., т. II, стр. 249—250.

онасить отъ потопа, если бы Богъ снова послалъ его, довольно фантастиченъ и не имѣть ничего общаго съ естественнымъ библейскимъ повѣствованіемъ о построеніи города и башни, просто какъ величественнаго политического центра для размножившагося и по необходимости вынужденнаго далеко расширять первоначальную территорію народа. Наконецъ, нѣтъ даже надлежащихъ основаній предполагать ініціатора вавилонскаго столпотворенія въ какомъ либо одномъ опредѣленномъ лицѣ: Библія опредѣляетъ этихъ ініціаторовъ мѣстоименіемъ „они“¹⁾), говоря, такимъ образомъ, о колективномъ участіи человѣчества въ созданіи самого плана постройки и въ реальному выполненіи его. А этимъ предположеніе о Нимродѣ, какъ ініціаторѣ столпотворенія, значительно обезсиливаются.

Это предположеніе, впрочемъ, въ устахъ специальныхъ изслѣдователей соединяется съ другимъ,—именно что дѣло столпотворенія, при ініціативѣ Нимрода, принадлежало дружинѣ его, единоплеменникамъ его—хамитамъ. Выводъ въ своей логической постепенности, конечно, естественный: если Нимродъ былъ ініціаторомъ столпотворенія, то всего ближе ему было искать помощниковъ въ своихъ же сподвижникахъ по охотѣ, каковыми, тоже естественнѣе всего, были его единоплеменники—потомки Хама; послѣдніе скорѣе всего могли стать послѣдователями своего вождя—Нимрода и исполнителями его завѣтныхъ плановъ. Съ другой стороны, потомство Хамово уже имѣло въ себѣ прирожденные задатки грѣха и нечестія, полученные имъ въ наслѣдство отъ своего родоначальника Хама; и ему, по непосредственному соображенію, гораздо скорѣе, чѣмъ семитамъ или іафетитамъ, могла прийти грѣховная мысль взяться за постройку башни „высотою до небесъ“. Наконецъ, именно хамитскіе народы, какъ показываетъ исторія, больше другихъ прославились сво-

¹⁾ Быт. 11, 4.

ами архитектурными сооружениями, и этому именно племени скорѣе всего могло принадлежать созиданіе и вавилонской башни, требовавшее чрезвычайного архитектурнаго искусства¹). Къ такимъ основаніямъ Прессель, построяющій совершенно своеобразную теорію—выдѣленія изъ общей семьи человѣчества хамитовъ задолго до столпотворенія, поселенія этого племени въ долинѣ Сеннаарской и полнаго обособленія его здѣсь,—присоединяетъ математическія данныя о численности рода Хамова ко времени столпотворенія и, слѣдовательно, о возможности для него предпринять трудную и продолжительную постройку башни безъ помощи другихъ племенъ²). Основанія далеко не безспорныя. Они покоятся только на предположеніи иниціативы въ дѣлѣ столпотворенія со стороны Нимрода, или исходятъ изъ однихъ априорныхъ соображеній; а то и другое, безъ надлежащихъ фактическихъ данныхъ, не можетъ быть прочно. Между тѣмъ священный текстъ исторіи столпотворенія даетъ намъ основанія къ совершенно инымъ выводамъ. Самая мысль о построеніи башни, а затѣмъ и фактическое осуществленіе ея принадлежали поселенцамъ Сеннаарской равнины. Откуда Прессель вывелъ, что этими поселенцами были именно хамиты,—неизвѣстно. Бытописатель называетъ ихъ просто „они“; но это „они“ у него означаетъ „сыновъ Ноевыхъ“, а не сыновъ Хама³). Выводъ отсюда можно сдѣлать такой, что поселенцами Сеннаара была вообще часть человѣчества, и что колоніи свои эти поселенцы основали здѣсь въ слишкомъ раннее время, когда племенное или родовое дѣление еще не было рѣзко обозначено въ отдельныхъ посольніяхъ тогдашняго человѣчества и не обособляло ихъ одно отъ другого ни по образу жизни, ни по мѣсту поселенія. Затѣмъ, наказаніе за столпотвореніе постигаетъ

¹⁾ М. Филаретъ. Начертаніе церковно-бibleйской исторіи. Стр. 47, 49.—Солярскій. Опытъ бibleйского словаря. Т. III. Стр. 523—524.

²⁾ Pressel. Geschichte und Geographie der Urzeit. S. 142—162.

³⁾ Быт. 11, 2. 4; 10, 32.

тоже не хамитовъ только, а „ихъ“—сыновъ Ноевыхъ¹⁾,—конечно, потому, что въ дѣлѣ столпотворенія участвовали и, следовательно, являлись виновными за него „они“, эти „сыны Ноевы“, представители „всей земли“²⁾), а не одно только племя рода человѣческаго. Наконецъ, что особенно знаменательно, память о вавилонскомъ столпотвореніи и особенно о постигшемъ человѣчество наказаніи за него сохранилась и у потомковъ Сима: одинъ изъ нихъ даже былъ названъ „Фалекомъ, потому что во дни его земля раздѣлена“³⁾; такого увѣковѣченія въ памяти „раздѣленія земли“ не могло бы прийти на мысль, если бы это событие было совершенно чуждо семитамъ, если бы оно не имѣло выдающагося значенія въ ихъ исторіи, если бы потомки Симовы тоже не были разсѣяны по землѣ за свое участіе въ дѣлѣ столпотворенія. Правда, Эвальдъ это „раздѣленіе земли во дни“ Фалека приписываетъ уже Симу, распредѣлившему, по его словамъ, земные предѣлы между своими потомками и тѣмъ положившему начало мирному распространенію по земному шару послѣ потопныхъ поколѣній⁴⁾),—Прессель подъ „раздѣленіемъ земли“ понимаетъ выдѣленіе изъ общей человѣческой семьи потомковъ Хама⁵⁾),—а Роосъ на этихъ библейскихъ словахъ построяетъ какую-то хитросплетенную, туманную теорію о раздѣленіи материковъ, о принятіи землею состоянія, пригоднаго къ обитанію на ней человѣка⁶⁾); но эти возврѣнія, насколько своеобразны, настолько же и искусственны. Съ одной стороны, Симъ не дожилъ до рожденія Фалека⁷⁾, и,

¹⁾ Быт. 11, 8.

²⁾ Быт. 11, 9.

³⁾ Быт. 10, 25.

⁴⁾ *Ewald. Erklrung der bibl. Urgeschichte. Jahrbucher der bibl. Wissenschaft. IX. Jahrh. 1858. S. 11, 14—15.*

⁵⁾ *Pressel. Geschichte und Geographie der Urzeit. S. 150—152, 156—157.*

⁶⁾ *Roos. Einleitung in die biblische Geschichte des Alten Testaments. S. 186.*

⁷⁾ Симъ умеръ въ 502 году послѣ потопа, а Фалекъ родился только въ 531 году послѣ потопа (Быт. 11, 10—16).

следовательно, „раздѣленіе“ имъ земли „во дни“ Фалека является хронологически невозможнымъ; съ другой стороны, выдѣленіе хамитовъ изъ общей человѣческой семьи исторически имѣло важное значеніе только для тѣхъ же хамитовъ, и едва ли могло представлять необходимость и даже существенный интересъ увѣковѣченія этого событія въ памяти семитовъ; наконецъ, теорія Рооса настолько своеобразна, что несостоительность ея для логического мышленія едва ли даже требуетъ доказательствъ. Прибавимъ къ тому, что каждая изъ указанныхъ трехъ теорій стоитъ совершенно особнякомъ и не встрѣчаетъ себѣ послѣдователей среди представителей богословской литературы.

Все сказанное нами выше по вопросу о хамитахъ достаточно уяснило для насть вопросъ о дѣйствительныхъ дѣятеляхъ вавилонского столпотворенія. Бытописатель указываетъ намъ совершенно определенные данныя. „На всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе“,—это характеристика первоначального братскаго единства постѣ потопнаго человѣчества. „Двинувшись съ Востока“,—очевидно изъ Армени, гдѣ остановился ковчегъ Ноевъ послѣ потопа и гдѣ поселились Ной и сыновья его,—„они наплыли въ землю Сеннааръ равнину и поселились тамъ“¹⁾);—это—совершенно естественное разселеніе человѣчества, вынужденного, вслѣдствіе размноженія, располагаться и въ другихъ ненаселенныхъ дотолѣ областяхъ. Разумѣется, не все человѣчество двинулось въ Сеннааръ: для этого не было никакой нужды; да притомъ равнина Сеннаарская не была столь значительна, чтобы вмѣстить на себѣ все тогдашнее, уже значительно размножившееся человѣчество; разыскиваніе новаго мѣста для поселенія и обоснованіе на немъ нужно было, очевидно, только для части рода человѣческаго, которой тѣсно уже становилось на родинѣ. Можно предполагать, что одновременно съ населеніемъ Сеннаара про-

¹⁾ Быт. 11, 1—2.

исходило движение болѣе или менѣе значительныхъ частей человѣчества изъ первоначальной колыбели послѣпотопного человѣка и въ другіе предѣлы земли, но какие именно—трудно сказать¹⁾; а если Бытописатель не говоритъ объ этомъ движеніи,—то это объясняется просто тѣмъ, что, начиная съ 11-й главы книги Бытія, пророкъ постепенно переходитъ къ изложению исторіи собственно народа еврейскаго, оставляя въ сторонѣ другіе народы. Во всякомъ случаѣ, столпотвореніе вавилонское по мѣсту своему, по своимъ пространственнымъ предѣламъ, было явленіемъ только мѣстнымъ: оно было дѣломъ именно той части тогдашняго человѣчества, которая незадолго передъ тѣмъ поселилась въ Сеннаарѣ. Въ контекстѣ рѣчи 11-й главы книги Бытія разсказъ о столпотвореніи съ сообщеніемъ о поселеніи части человѣчества въ землѣ Сеннаарѣ даже соединяется союзомъ „и“. Видѣть въ построеніи вавилонской башни дѣло безусловно всего тогдашняго человѣчества логически невозможно. Обращаютъ вниманіе, между прочимъ, и на то, что строители башни называются „сынами человѣческими“,—следовательно, заключаютъ, „сыны Божіи“ въ этомъ грѣховномъ дѣлѣ не принимали участія²⁾. // А что „сыны Божіи“ тогда существовали,—довольно указать на слова блаж. Августина о томъ, что „градъ Божій и общество праведниковъ“ были на землѣ и во время уклоненія сеннаарскихъ народовъ въ нечестіе, что и тогда были „народъ Божій“, не подлежавшій наказанію Божію, что и тогда были „мѣста“, на которыхъ „не распространялось наказаніе смѣщеніемъ языковъ“³⁾. Что въ дѣлѣ столпотворенія

¹⁾ Вигуру, на основаніи исторіи Египта, предполагаетъ, что ко времени вавилонского столпотворенія дѣти Мицраима, сына Хамова, уже водворились въ долинѣ рѣки Нила (Вигуру. Руководство къ чтенію и изученію Библіи, пер. Воронцова. Т. I. М. 1897. Стр. 468).

²⁾ Глаюлевъ. О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго. М. 1894. Стр. 103.

³⁾ Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ. Творенія блаж. Августина, ч. 5. О градѣ Божіемъ. Стр. 141, 159, 161, 162.

принимала участіе только часть человѣчества,—сообщенія объ этомъ можно находить и въ Божественнаго Откровенія: Флавій передаетъ разсказъ сивиллы іудейской о томъ, что „когда всѣ люди говорили еще на одномъ языкѣ, *нѣкоторые* изъ нихъ начали строить страшной высоты башню, чтобы при помощи ея взойти на небо“¹⁾.

Но этими „нѣкоторыми“, этими поселенцами Сеннаара и, слѣдовательно, строителями вавилонской башни нѣть основаній считать какое либо одно племя: сеннаарская часть человѣчества состояла, вѣроятнѣе всего, изъ представителей различныхъ фамилій и разныхъ родовъ; были здѣсь и семиты, и хамиты, и іафетиты. Такую мысль проводятъ и мидраши іудейскія, упоминая о разныхъ народахъ, о различныхъ родахъ, участвовавшихъ въ столпотворенії²⁾. Св. Епифаній Кипрскій и Евтихій, патріархъ александрійскій, высказываютъ еще опредѣленіе: по ихъ словамъ, „въ пятомъ родѣ послѣ потопа“ потомки Ноевы „сдѣлались въ числѣ 72 вождями и глазами въ мірѣ“; въ томъ числѣ „изъ рода Хамова было 32, изъ Іафетова 15 и изъ Симова 25“; и всѣ эти „72 мужа строили тогда столпъ“³⁾,—конечно, не единолично, а при посредствѣ своихъ родовъ. Разумѣется, никакихъ основаній нѣть предполагать, чтобы въ Сеннаарѣ были и руководили дѣломъ столпотворенія именно всѣ 72 тогдашихъ родоначальника человѣчества; приведенные слова означаютъ только то, что въ числѣ части рода человѣческаго, поселившейся въ Сеннаарѣ, были члены если не всѣхъ, то многихъ родовъ. Вотъ почему дѣло столпотворенія по вну-

¹⁾ I. Flavij. Іудейскія древности, пер. Генкеля. Т. I. Стр. 19—20.

²⁾ Der Midrasch Bereschit rabba, übers. von Wünsche. Leipzig. 1881. S. 170, 172.

³⁾ Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ, т. XLII. Творенія св. Епифанія Кипрскаго, ч. I. Стр. 29.—Твор. св. отцовъ, т. XLIV. Твор. св. Епифанія Кипрскаго, ч. II. Москва. 1864. Стр. 104.—Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca posterior, tom. CXI. P. 919.

треннимъ своимъ основамъ представляется какъ дѣло всего тогдашняго человѣчества: съ одной стороны, сеннаарскіе обитатели могли передавать свои мысли, планы и соображенія оставшимся на первоначальной родинѣ послѣпотопнаго человѣчества и переселившимся въ ближайшіе къ ней предѣлы представителямъ своихъ родовъ, своихъ фамилій; съ другой стороны, значительная продолжительность постройки башни способствовала возможно широкому распространенію идей столпотворителей среди тогдашняго человѣчества,—даже болѣе—могла вести къ зараженію этими идеями остававшихся первоначально чуждыми имъ, а затѣмъ привлекала къ мѣсту столпотворенія все новыя и новыя группы нравственно-зараженнаго уже человѣчества. Конечно, и между самими поселенцами Сеннаара нужно предполагать взаимное общеніе и единеніе, даже между лицами и цѣлыми фамиліями, принадлежавшими по происхожденію къ различнымъ племенамъ; а при сравнительно небольшихъ пространственныхъ границахъ Сеннаара это согласіе могло передаваться быстро. Иниціатива, какъ и всегда, должна была принадлежать немногимъ лицамъ; затѣмъ, первоначальный замыселъ могъ стать достояніемъ союза нѣсколькихъ фамилій, принадлежавшихъ къ различнымъ племенамъ, а далѣе, естественнымъ путемъ распространялся все болѣе и болѣе.

И вотъ эти новые поселенцы равнины Сеннаарской „сказали другъ другу: надѣаемъ кирпичей и обожжемъ огнемъ. И стали у нихъ кирпичи вмѣсто камней, а земляная смола (асфальтъ) вмѣсто извести. И сказали они: построимъ себѣ городъ и башню, высотою до небесъ“¹⁾). У древнихъ классическихъ историковъ мы находимъ замѣчательное подтвержденіе такого способа архитектуры строителей древняго Вавилона. Геродотъ, описывая уже позднѣйшее сооруженіе величественнаго Вавилона, передаетъ, какъ „рабочіе выдѣльвали кир-

¹⁾ Быт. 11, 3—4.

пиши изъ земли; приготовивши достаточное количество кирпичей; обжигали ихъ въ печахъ; цементомъ служилъ имъ горячій асфальтъ¹⁾). Страбонъ тоже свидѣтельствуетъ о построении Вавилона „изъ обожженного кирпича и асфальта“²⁾). Что касается въ частности асфальта, то этого материала въ окрестностяхъ Вавилона было большое количество: источникъ его былъ недалеко отъ рѣки Евфрата; во время весеннаго разлива рѣкъ, разливался и этотъ источникъ и излишокъ асфальта вытекалъ въ притокъ Евфрата, рѣку Ись, а эта послѣдняя вмѣстѣ съ водою извергала изъ себя большие куски сухого асфальта,— материала способнаго затвердѣвать и потому удобнаго для постройки зданій изъ обожженныхъ кирпичей³⁾). „Вслѣдствіе множества рабочихъ рукъ, замѣчаетъ Флавій, башня росла скорѣе, чѣмъ можно было бы раньше предполагать“⁴⁾; тѣмъ не менѣе, при тогдашнемъ состояніи архитектурнаго искусства, сравнительно продолжительное время заняты были строители своимъ дѣломъ. Три года было употреблено только на то, чтобы выдѣлывать и высушивать кирпичи; а самая постройка продолжалась сорокъ лѣтъ⁵⁾). И сооруженіе это было громадное: строили городъ-крепость, надъ которымъ поднималась башня, имѣвшая возвышаться, по плану строителей, до самыхъ небесъ⁶⁾). Каждый кирпичъ, употреблявшися на эту постройку, былъ длиною въ 13 локтей, шириной въ 10 и высотою въ 5 локтей; городъ закладывался длиною въ 313 особыхъ мѣръ—оргій, шириной въ 151 оргію; стѣны его должны были имѣть въ высоту 5533 (?) оргіи, при ширинѣ въ 33 оргіи; а самая башня строилась высотою въ 10000

¹⁾ Геродотъ. Исторія, пер. Мищенка. Т. I. Стр 92.

²⁾ Страбонъ. Географія, пер. Мищенка. Стр. 755.

³⁾ Страбонъ. Географія. Стр. 759.—Геродотъ. Исторія. Т. I. Стр. 92.

⁴⁾ І. Флавій. Іудейскія древности, пер. Гевелія. Т. I. Стр. 19.

⁵⁾ Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca posterior, tom. CXI. Р. 919.

⁶⁾ Ibid.

этихъ мѣръ¹⁾). Массивность объема такого сооруженія видна изъ замѣчанія Флавія о томъ, что „ширина башни была столь велика, что вслѣдствіе этого вышина ея не такъ бросалась въ глаза зрителямъ“²⁾,—а высота-то эта предполагалась „до небесъ“. Что касается вида или формы этой огромной башни, то предположительно можно опредѣлить ее на основаніи формы извѣстныхъ намъ ассирио-ававилонскихъ архитектурныхъ памятниковъ. Мы упоминали уже о „возвышающейся уступами башнѣ въ Урѣ, построенной древнимъ царемъ Урукомъ“, и объ „Гуриминанки, возвышающейся уступами башнѣ въ Борсиппѣ“, построенной какимъ-то древнимъ царемъ. Мѣста достаточно характерныя. Они указываютъ, напр., что башни вавилонскія возводились не по прямой линіи въ высоту, а уступами, въ формѣ двухсторонней лѣстницы, съ громадными, конечно, ступенями, идущими отъ основанія къ вершинѣ: такая башня представляла изъ себя какъ бы нѣсколько поставленныхъ одно на другое отдѣльныхъ зданій, съ квадратнымъ или прямоугольнымъ основаніемъ, притомъ различной ширины, такъ что каждое верхнее зданіе было уже лежащаго подъ нимъ³⁾). Каждое такое зданіе представляло собою отдѣльный этажъ башни. Число этажей, по свидѣтельству историческихъ памятниковъ, доходило до семи⁴⁾). Сама Гуриминанки, башня въ Борсиппѣ, имѣла, вѣроятно, семь этажей: название ея—въ переводѣ „мѣстопребываніе семи отдѣленій неба и земли“—означало, должно быть, то, что каждый изъ семи этажей этой башни былъ посвященъ особой планетѣ, такъ что въ цѣломъ башня эта была какъ бы храмомъ семи планетъ. Башня, изображенная на барельефахъ ассирийскихъ, имѣла пять эта-

¹⁾ Ibid.

²⁾ I. Флавій. Іудейскія древности, пер. Генкеля. Т. I. Стр. 19.

³⁾ У Vigouroux, Dictionnaire de la Bible, fascicule V, Paris, 1893, р. 1348, 1349 есть изображенія двухъ такихъ лѣстницеобразныхъ башенъ,—одной, начертанной на барельефахъ ассирийскихъ, а другой—бывшей въ Хорсабадѣ.

⁴⁾ Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Band III—1. Hälften. S. 51.

жей¹⁾, и т. д. Техническимъ словомъ для обозначенія подобныхъ многоэтажныхъ башенъ было въ ассирио-аввилонскомъ языке zikurat²⁾. Можно думать, что такою же zikurat была и башня, воздвигавшаяся новыми поселенцами Сеннаара: въ пользу этого предположенія можетъ говорить и замѣчаніе Флавія о чрезмѣрной ширинѣ вавилонской башни, необыкновенно высокой и, конечно, многоэтажной, нижній этажъ которой, поддерживавшій всѣ верхніе этажи, долженъ быть быть, поэтому, очень широкъ. Сколько этажей предполагалось въ ней и сколько ихъ успѣли выстроить до постигшаго строителей наказанія Божія,—нельзя сказать.

Теперь вопросъ въ томъ, какое назначеніе должна была имѣть строящаяся вавилонская башня, съ какою цѣлію она воздвигалась. И въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся съ нѣсколькими различными взглядами. Объ одномъ изъ нихъ пришлось уже упомянуть; это—соображеніе Флавія о построеніи башни съ цѣлію обезопасить родъ человѣческій отъ новаго всемирного потопа, если бы Господь наслалъ его; съ этою цѣлію, по словамъ Флавія, и предпринята была постройка башни высотою до небесъ, на каковую высоту не могла бы подняться вода съ земли; съ этою цѣлію и „строилась она изъ жженаго кирпича, залитаго асфальтомъ, чтобы вода не могла проникнуть въ нее“³⁾. Новѣйшіе западные богословы высказываютъ тоже не менѣе своеобразныя мнѣнія. Одни ссылаются на то, что первобытное послѣпотопное человѣчество ориентировалось въ Армениѣ при помощи горныхъ шпицевъ; подобное назначеніе хотятъ дать и вавилонской башнѣ: и на нее смотрять, какъ на гору искусственную, устроенную поселенцами Сеннаара взамѣнъ горы естествен-

¹⁾ Vigouroux. Dictionnaire de la Bible. Fascicule V. P. 1348.

²⁾ Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek. Band III—2. Hälften. S. 52, 90, 94.

³⁾ I. Flavij. Іудейскія древности, пер. Генкеля. Т. I. Стр. 19.—Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca posterior, tom. CXI. P. 919.

ной, въ качествѣ путеводного знака при взаимныхъ спошенихъ этихъ поселенцевъ на обширной территоїи Сеннаарской равнины и при частыхъ отлучкахъ ихъ изъ этой равнины, и въ качествѣ маяка, предотвращавшаго возможность заблудиться¹⁾). Другіе придаютъ этому строенію иное значеніе, считая башню вмѣстѣ съ городомъ укрѣпленіемъ, защитою противъ враговъ²⁾). Оба эти мнѣнія старается соединить Пресслеръ: по его соображенію, башня вавилонская была не только путеводнымъ знакомъ, но и защитою для хамитовъ противъ нападеній семитовъ³⁾). Наконецъ, Ликенъ старается уяснить назначеніе вавилонской башни при посредствѣ изученія смысла и значенія вообще башнеобразныхъ зданій, какія только знаетъ исторія и археологія. Обращая вниманіе на то, что такія зданія возводились во всѣхъ частяхъ свѣта и что форма ихъ была преимущественно пирамидальною, Ликенъ указываетъ, что эти постройки были или надгробными памятниками, или самыми могилами для умершихъ, или же храмами; самой формѣ этихъ зданій—пирамидальной—Ликенъ приписываетъ символической смыслъ, считая ее изображеніемъ райской горы, память о которой жила въ народныхъ преданіяхъ.—а въ этихъ преданіяхъ о раѣ сложилось представление, какъ о высокой, всемирной горѣ, лежащей въ центрѣ земли и обращенной къ различнымъ частямъ свѣта, а на своей вершинѣ помѣщавшей жилище боговъ, духовъ и душъ умершихъ; ставя такое „изображеніе райской горы“ надъ могилами умершихъ, въ качествѣ надгробнаго памятника, первобытные народы, по мнѣнію Ликена, соединяли съ этимъ памятникомъ мысль о посмертномъ состояніи человѣка, придавали самому памятнику форму того, чего они желали самому умершему.

¹⁾) *Böhmer. Das erste Buch des Thora.* S. 165—166.—*Lange. Theologisch-homiletisches Bibelwerk.* I. Th. S. 184.—*Budde. Die biblische Urgeschichte.* Giesen. 1883. S. 375.—*Geikie. The Bible by modern Light.* I part. P. 222.

²⁾) *Bunsen. Vollst ndiges Bibelwerk.* I. B. S. 31.

³⁾) *Pressel. Geschichte und Geographie der Urzeit.* S. 155.

Что касается вавилонской башни, то она, по мнѣнію Ликена, могла быть символическимъ изображеніемъ „горы потопа“ (Ликенъ ссылается въ этомъ случаѣ на свидѣтельство Флавія о стремлении жителей Сennaара построить для себя убѣжище отъ нового всемирного потопа), могла быть изображеніемъ и рая, въ который люди желали проникнуть,—могла быть, наконецъ, памятникомъ или храмомъ надъ могилой первого обожествленнаго человѣка¹⁾.

Слабую сторону указанныхъ взглядовъ составляетъ то, что всѣ они, съ одной стороны, не имѣютъ основанія подъ собою на почвѣ чисто-бблейской, а съ другой стороны, слишкомъ рельефно уже выдѣгаются мотивы чисто-историческіе, материальные, руководившіе столпотворителями, замалчивая объ ихъ духовныхъ грѣховыхъ стремленіяхъ. Въ частности, опасеніе нового всемирного потопа, какъ мотивъ къ столпотворенію, едва ли могъ существовать у потомковъ Ноевыхъ въ сравнительно недавнее время слышавшихъ, въ лицѣ своихъ отцовъ, завѣтъ Божій о томъ, что „не будетъ болѣе вода потопомъ на истребленіе всякой плоти“, и имѣвшихъ всегда предъ глазами „зnamеніе“ этого завѣта²⁾). Созиданіе маяка, путеводнаго знака такихъ необычайныхъ размѣровъ, какова была башня вавилонская, тоже невольно обращаетъ на себя наше вниманіе: если онъ предназначался для сравнительно небольшой поверхности земли, непревышающей пространства, обнимаемаго обыкновеннымъ человѣческимъ круговоротомъ, то для такой плоскости башня высотою до небесъ была совсѣмъ не нужна; а если она предназначалась для значительной части земного материка, а тѣмъ болѣе для „лица всей земли“³⁾), то эта постройка являлась и безцѣльною: не только со „всей“ земли, но и съ значительной части ея, съ противоположныхъ пунктовъ, нельзѧ видѣть башню даже вы-

¹⁾ Lükens. Die Traditionen des Menschengeschlechts. S. 289—299.

²⁾ Быт. 9, 15. 12. 13. 16.

³⁾ Быт. 11, 4.

сотою до небесъ. Потребность въ крѣпости для защиты противъ враговъ представляется для насть неясною съ точки зрѣнія историческихъ обстоятельствъ того времени, а необходимость сооруженія въ этой крѣпости башни высотою до небесъ кажется даже малопонятною. Что касается, наконецъ, пространного разсужденія Ликена, то оно только показываетъ, какъ трудно было ему опредѣлить назначеніе вавилонской башни и къ какимъ натяжкамъ и даже малопонятнымъ аналогіямъ приходилось прибѣгать ему вслѣдствіе отрѣшенія отъ библейской почвы. Какія основанія побуждали жителей Сennaара воздвигнуть „символическое изображеніе“ горы потопа или райской горы, какимъ образомъ въ то время существовали уже „обожествленные“ люди, почему это „изображеніе“, „памятникъ“ или „храмъ“ должны были имѣть необыкновенную высоту,—на эти вопросы и Ликенъ не даетъ никакого отвѣта, и мы не можемъ придумать достаточнаго объясненія.

Цѣль, руководившая столпостроителями, вполнѣ достаточно опредѣляется библейскимъ текстомъ. Въ немъ указываются двоякаго рода чувства, одушевлявшія этихъ представителей послѣ потопнаго человѣчества: славолюбіе — „сдѣлаемъ себѣ имя“¹⁾—, и боязнь разсѣянія—„чтобы намъ не (русск. перев.—прежде нежели) разсѣяться“²⁾). Эти двѣ черты служатъ для насть характеристикой и вообще нравственнаго состоянія столпостроителей. „Сдѣлаемъ себѣ имя“—подобное желаніе могло явиться у нихъ въ такомъ случаѣ, если были люди, предъ которыми имъ хотѣлось „сдѣлать себѣ имя“, которые не раздѣляли какъ частныхъ, одушевлявшихъ столпостроителей чувствъ, такъ и всего направленія ихъ нравственной дѣятельности; а такъ какъ славолюбіе отнюдь клонилось не къ славѣ единаго Бога,—значитъ, было что-то другое, къ чьему устремлены были мысли и желанія столпостроителей.

¹⁾ Быт. 11, 4.

²⁾ Быт. 11, 4.—Ср. М. Филаретъ. Записки на книгу Бытія. Ч. II. Москва. 1867. Стр. 39.

Библейскія данные¹⁾ указываютъ на это: культура виѣшняя въ различныхъ ея видахъ преимущественно привлекала къ себѣ большинство поселенцевъ Сеннаара и окрестныхъ странъ. Конечно, культурная исторія человѣчества начиналась при непосредственномъ благословеніи и благоволеніи Божіемъ²⁾; но у вавилонскихъ столпостроителей увлеченіе виѣшней культурой доходило, можно думать, до явнаго вреда для чистоты ихъ религіозныхъ отношеній; ихъ дѣйствіями руководилъ лишь „замыселъ житейскій“³⁾, который не могъ встрѣтить одобренія у лицъ и фамилій, по своему основному міровоззрѣнію, по образу своихъ мыслей и чувствъ расходившихся съ участниками столпостроенія и потому отличавшихся отъ нихъ и въ началахъ своей жизни и дѣятельности. Конечно, и эти послѣдніе не могли не пользоваться успѣхами культурнаго развитія, не могли всецѣло отрицать культурный написанія столпостроителей; но они, нужно думать, не ограничивали своихъ духовныхъ интересовъ одними этими благами культуры, не возводили до крайности своей вѣры въ силу этой культуры, не раздѣляли многихъ низшихъ основаній, ради которыхъ должно было совершаться культурное движение въ человѣчествѣ. И имъ, этимъ людямъ, служившимъ идеѣ завѣта съ Богомъ, сторонники культуры старались противопоставить свою силу, силу культуры, „сдѣлать себѣ имя“, и представить эту силу въ конкретномъ, реальномъ образѣ, каковой они и измыслили въ образѣ башни высотою до небесъ, какъ бы въ противовѣсь высотѣ обитанія Виновника той идеи, которой служили ихъ соперники⁴⁾. Но не одно

¹⁾ Быт. 11, 3. 4; 10, 8. 9. 10.

²⁾ Быт. 9, 1.

³⁾ Св. Иоаннъ Златоустъ. Бесѣды на книгу Бытія. Ч. II. Слб. 1852. Стр. 164.

⁴⁾ Вигуру ст. библейскими словами „сдѣлаемъ себѣ имя“ ставить въ связь самое название вавилонскихъ многоэтажныхъ башенъ zikurat, производя его отъ слова zakar, т. е. помнить, вспоминать,—и придавая zikurat значеніе „памяти, воспоминанія, того, что можетъ увѣковѣчить имя“ (Vigouroux. La Bible et les dÃ©couvertes modernes en Egypte et en Assyrie. Tome I. Paris. 1877. P. 267).

славолюбіє было въ мысляхъ и на сердцѣ жителей Сеннаара, замышлявшихъ постройку города и необыкновенной башни: они видѣли другъ друга въ различныхъ мѣстахъ, чувствовали свою взаимную разобщенность, и не могли не желать полнаго единенія для общаго движенія въ пользу процвѣтанія культурной жизни; сообща предпринятая постройка башни должна была упрочить взаимную связь между строителями и служить залогомъ единодушія въ дѣйствіяхъ и на будущее время. Отсюда и являлась у нихъ боязнь разсѣянія, боязнь потері единодушія и единенія силъ. И для потомства столпостроителей башня вавилонская, съ одной стороны, должна была стать средоточнымъ пунктомъ ихъ жизни и дѣятельности, съ другой—должна была порождать въ нихъ стремленіе къ единенію въ видахъ, достижениія тѣхъ или иныхъ цѣлей. Она должна была не только льстить самосознанію строителей, вызывать удивленіе и преклоненіе предъ ними со стороны всѣхъ видѣвшихъ это чудо культуры, но и зарождать въ зрителяхъ сочувствіе всему культурному движенію и тѣмъ обеспечивать на дальнѣйшее время успѣхъ его..

Такое религіозно-нравственное настроеніе столпостроителей, бывшее по существу только „единомысліемъ зла“¹⁾) съ точки зрѣнія идеи завѣта человѣчества съ Богомъ, не могло не вызвать праведнаго осужденія со стороны Творца. „Славолюбіе“, впрочемъ, какъ мы назвали одно изъ чувствъ, руководившихъ столпостроителями, довольно слабое слово для характеристики грѣховности вавилонского столпостроенія: имъ

Какъ ни старается Вигуру представить свое объясненіе единственно основательнымъ, подыскивая подходящія ему параллели, тѣмъ не менѣе нельзя отказать въ основательности и другимъ толкованіямъ слова zikurat,—производству его отъ zakar — быть остроконечнымъ, по объясненію Шрадера (*Schrader. Die Keilinschriften und das Alte Testament. S. 36.*),—или отъ слова zakaru — быть высокимъ, возвышаться, какъ объясняетъ Тиеле (*Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. 2. Teil. S. 543.*).

¹⁾ Прим. 10. 5.

руководило пагубное человѣческое тщеславіе, силившееся создать строителямъ памятникъ славы, далеко даже не обычный для приверженцевъ и поклонниковъ земной, человѣческой культуры.) Отцы и учители церкви съ крайнимъ осужденіемъ относятся къ этому вавилонскому предпріятію: называютъ его порожденіемъ безграницаго человѣческаго высокомѣрія и гордости¹⁾; указываютъ на необычайную дерзость строителей, выразившуюся въ намѣреніи ихъ довести высоту башни до неба²⁾.) Въ этой дерзости человѣкъ не хотѣлъ знать границъ своему самоволію: коллективными усилиями подобныхъ себѣ онъ хотѣлъ взойти на самое небо; онъ хотѣлъ показать, что силы человѣчества, окрѣпшія въ согласіи, могутъ не знать никакихъ границъ и противиться Самому Богу³⁾); самое небо казалось ему не высокимъ, коль скоро онъ надѣялся достигнуть его произведеніемъ своихъ рукъ⁴⁾. Не безъ причины, поэтому, говорятъ, что сеннаарское грѣховное человѣчество было движимо, соблазняемо и направляемо тѣмъ духомъ, который льстиль еще прародителямъ въ раю, обѣща, что они будутъ, какъ боги,—и что это человѣчество, подъ вліяніемъ духа-искусителя, искало бессмертія на землѣ, хотѣло сравняться по своимъ силамъ съ силою Божіею, хотѣло быть Богомъ на землѣ⁵⁾). Вотъ почему замыслы столпостроителей, какъ будто неважные по виду, были крайне преступны по существу, какъ преступно было грѣхово-

¹⁾ Бібліотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ. Твор. бл. Августина, ч. 5. О градѣ Божіемъ. Стр. 148.—Творенія св. отцовъ. Томъ XXII. Твор. св. Ефрема Сириня, ч. 8. Москва. 1853. Стр. 325.

²⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ. Бесѣды на книгу Бытія. Ч. II. Стр. 164.

³⁾ Schöpfer. Geschichte des Alten Testamentes. 2. Auflage. Brixen. 1895. S. 74.

⁴⁾ Dillmann. Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum Alten Testament. XI. Lieferung. Die Genesis. S. 204.

⁵⁾ Thiersch. Die Anfânge der heiligen Geschichte. S. 83.—Schroeder. Le premiere livre de Moïse. I partie. P. 308.—Тарпевъ. Искушенія Богочеловѣка. Москва. 1892. Стр. 46.

падение прародителей въ раю, наведшее не только на нихъ, но и на весь родъ человѣческій тяжелыя наказанія,—какъ преступно было нравственное развращеніе потомковъ Сиоа и Каина, повлекшее за собою истребленіе потопомъ всего живущаго на землѣ. И „пороки“ человѣческіе, обнаруженные въ столпотвореніи, были особенно предосудительны именно въ виду недавно бывшей „всеобщей погибели“, т. е. потопа; съ другой стороны, и забвеніе попеченій Божіихъ о людяхъ должно быть поставлено столпостроителямъ въ особенную вину: „Богъ по Своему человѣколюбію обѣщалъ, что никогда не наведеть потопа, а они ни наказаніями не вразумились, ни отъ благодѣяній не сдѣлялись лучшими“ ¹⁾). Нельзя, поэтому, намѣренno ослаблять виновность столпостроителей, вмѣня имъ только стремленіе къ единенію и чрезъ то—умышленное нарушеніе воли Божіей, обѣтовавшей потомству Іафета распространеніе по землѣ ²⁾), или заповѣдавшей роду человѣческому наполнить всю землю ³⁾),—конечно путемъ размноженія и разселенія. Если бы только въ такомъ „нарушениіи воли Божіей“ были виновны столпостроители, тогда едва ли это нарушеніе было бы достаточнымъ основаніемъ для расторженія союза Бога съ человѣкомъ, суда надъ нимъ и наказанія, какое постигло вавилонскихъ столпостроителей, такъ какъ изреченіе воли Божіей о распространеніи человѣчества по всей землѣ отнюдь не было для человѣка такимъ закономъ или обязательной заповѣдью, нарушеніе которой сопровождалось бы наказаніемъ. Это предначертанное Божественною волею разселеніе, конечно, не ограничено было временемъ, и по существу должно было быть совершенно естественнымъ

¹⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ. Бесѣды на книгу Бытія. Ч. II. Стр. 168.

²⁾ Stosch. Alttestamentliche Studien. I. Th. S. 79.

³⁾ Schroeder. Le premiere livre de Moise. I partie. Р. 310.—Дьяченко. О приготовлении рода человѣческаго къ принятію христіанства. Москва. 1884. Стр. 97.

явленіемъ, необходимо вытекающимъ изъ условій исторической жизни послѣпоточного человѣчества, а не насильственнымъ актомъ; и человѣкъ даже не могъ противиться ему въ силу своихъ естественныхъ влеченій; начало ему положили сами поселенцы Сеннаара, оставивши первоначальное мѣстоожительство послѣпоточного человѣчества. Нельзя и прикрывать виновность столпостроителей, надѣляя ихъ такимъ складомъ религіозныхъ вѣрованій, какой имѣлъ мѣсто въ человѣчествѣ уже послѣ разсѣянія его и образованія отдѣльныхъ народовъ,—именно языческимъ или только язычествующимъ направленіемъ мыслей и чувствъ. Такъ поступаетъ, напр., Шеллингъ, который всю исторію первобытнаго человѣчества представляетъ, какъ послѣдовательное развитіе зародышеваго разнообразія при видимомъ, внѣшнемъ единстве человѣческаго рода, и выраженіемъ этого разнообразія признаетъ постепенное образованіе различныхъ народовъ при посредствѣ единственno возможнаго, какъ ему кажется, фактора,—именно априорныхъ политеистическихъ влеченій въ человѣчествѣ¹⁾). Такъ допускаетъ Курцъ, признавая возникновеніе у поселенцевъ Сеннаара намѣренія строить городъ и башню моментомъ рожденія язычества, въ смыслѣ отверженія живого, личнаго Бога и безумной надежды на собственныя силы²⁾). Такія воззрѣнія, конечно, натянуты. Такъ, основной пунктъ разсужденій Шеллинга можно было бы принять какъ разъ въ обратномъ видѣ: не различные народы образовывались и образуются отъ различнаго направленія религіозныхъ возврѣній, а совершенно наоборотъ—различіе религіозныхъ возврѣній обусловливалось и обусловливается именно различiemъ народовъ, націй. Что же касается допускаемыхъ Шеллингомъ априорныхъ политеистическихъ влеченій въ человѣчествѣ, то

¹⁾) Schelling. Sammliche Werke. II. Abth., 1. Band. Einleitung in die Philosophie der Mythologie. Stuttgart. 1856. S. 103—105, 111—112, 115, 130—131, 137, 175—176, 181—182, 184, 192.

²⁾) Kurtz. Geschichte des Alten Bundes. I. B. S. 39.

это утверждение должно быть отвергнуто самимъ тоже априорнымъ соображениемъ: человѣкъ, дѣйствуя по имманентнымъ законамъ своего сознанія и ума, долженъ быть съ логическою необходимостью утверждаться лишь въ познаніи Бога истиннаго, единаго, и никогда не доходить до политеизма¹⁾, исходнымъ началомъ котораго нужно признать не сознаніе человѣческое, а испорченную нравственную природу человѣка²⁾. Подтверждениемъ этого служить самая исторія первобытнаго человѣка, ничего не говорящая ни о какихъ его априорныхъ политеистическихъ влеченіяхъ. Что касается соображеній Курца, то, съ одной стороны, странно предполагать, чтобы человѣкъ перешелъ къ язычеству когда нибудь въ одинъ опредѣленный моментъ времени и чтобы этотъ моментъ вдругъ распространилъ свое дѣйствіе на большую часть рода человѣческаго; съ другой стороны, указываемые Курцомъ характеристические признаки язычества далеко не обнимаютъ всего понятія „язычества“, и люди, отвергающіе живого, личнаго Бога и питаютіе надежду на собственные силы, еще не могутъ быть названы язычниками; наконецъ, какимъ путемъ человѣчество дошло до отрицанія живого, личнаго Бога, какое ближайшее отношеніе къ нему должно было имѣть столпостроеніе,—на эти и некоторые другие вопросы очень трудно дать отвѣтъ, стоя на точкѣ зреенія Курца.

Не будучи языческими по существу, отклоненія сеннаарскаго человѣчества отъ его назначенія, опредѣляемаго идею завѣта съ Богомъ, должны быть названы „грѣховными“, а общее направленіе жизни человѣка—„грѣхомъ“. Только при этой терминологіи становится ясною для насть необходимость суда Божія надъ тѣмъ уклоненіемъ человѣка отъ его праваго пути, какое выразилось при столпотвореніи

¹⁾ Рим. 1, 19—20.

²⁾ Рим. 1, 18. 21—23. 25.

вавилонскомъ. Только при этой терминологии становится понятнѣе для насъ, какимъ образомъ язычество, это позднѣйшее уже направлѣніе религіозно-нравственной жизни человѣка, возникало, существовало и оживало, попускалось Богомъ, пользовалось сравнительно мирнымъ существованіемъ наряду съ другими явленіями человѣческаго духа,—тогда какъ при вавилонскомъ столпотвореніи дѣйствія Божія были направлены на уничтоженіе, изглажденіе неестественныхъ, пагубныхъ проявленій человѣческаго духа. Нужно, поэтому, признать, что суду Божію при столпотвореніи подлежалъ „грѣхъ“ человѣка, знавшаго Бога истиннаго, слышавшаго о завѣтѣ Его съ народомъ, и, несмотря на то, впавшаго въ тяжкую вину предъ Нимъ. И если примемъ во вниманіе, что грѣхъ этотъ состоялъ въ ниспроверженіи человѣкомъ оснований, на которыхъ лишь могла утверждаться идея союза Бога съ людьми, въ униженіи своего собственного богоподобнаго существа подчиненіемъ его вліяніямъ низшей, земной среды,—тогда ясно будетъ, что человѣчество такимъ направленіемъ своей религіозно-нравственной жизни само обрекало себя на погибель. Но благость и правда Божія примѣнила средство, которое, будучи наказаніемъ человѣчеству за его вину, въ то же время имѣло высокую цѣль—сохранить въ душахъ избранныхъ рода человѣческаго семя истинныхъ, богоугодныхъ отношеній къ Геговѣ, а съ другой стороны, раздѣленіемъ грѣшниковъ ослабить то злое семя, какое выросло въ душахъ ихъ.

„И сошелъ Господь посмотреть городъ и башню, которые строили сыны человѣческіе. И сказалъ Господь: вотъ, одинъ народъ, и одинъ у всѣхъ языкъ; и вотъ, что начали они дѣлать, и не отстанутъ они отъ того, что задумали дѣлать; сойдемъ же и смыщаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ чтобы

одинъ не понималъ рѣчи другаго¹⁾). Такъ передаетъ намъ Библія, продолжая исторію вавилонскаго столпотворенія: человѣкообразнымъ, метафорическимъ языкомъ она изображаетъ опредѣленіе Божіе о „смѣщенії“ одного общаго языка человѣческаго, конечно, всѣмъ понятнаго,—стъ цѣллю предотвратить продолженіе постройки. Это опредѣленіе, какъ говоритъ св. Кириллъ Александрійскій, было дѣломъ „врожденной благости“ Божіей; въ немъ же проявилась и правда Божія, показавшая, что Господь „намѣренія, превышающія возможность человѣческую и неисполнимыя, не оставляетъ ненаказанными“²⁾). Осуществленіе же Божественнаго опредѣленія было дѣломъ безконечнаго всемогущства Божія. На почвѣ этого событія съ исторической точки зрѣнія и объясняется вся множественность и разнообразіе существующихъ на земномъ шарѣ языковъ и нарѣчій, вмѣстѣ съ ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ и преобразованіемъ. Какъ ни стараются историки обыкновенной человѣческой культуры объяснить существующее въ наше время разнообразіе языковъ человѣческихъ тѣмъ, что и изначала будто бы существовало безконечное разнообразіе языковъ, на каждомъ изъ которыхъ говорила будто бы только одна семья, не понимавшая другую, и что это разнообразіе будто бы только сократилось значительно отъ соединенія семей въ племена и народы³⁾),—тѣмъ не менѣе наука, имѣющая своимъ предметомъ специальное изученіе многочисленныхъ нарѣчій, представляетъ намъ о нихъ совершенно другія данныя: современная филология говоритъ намъ о безусловномъ единствѣ всѣхъ существовавшихъ и существующихъ языковъ; она считаетъ всѣ эти языки только различными видоизмѣненіями

¹⁾ Быт.. 11, 5—7.

²⁾ Творенія св. Кирилла Александрійскаго. Ч. IV. Глафурдъ или искусственныя объясненія избранныхъ мѣстъ изъ книги Бытія, кн. I. Москва. 1886. Стр. 76.

³⁾ Гельмольдъ. Исторія культуры. Спб. 1898. Стр. 63.

одного какого-то первобытного языка; она, опираясь на взаимоотношения языковъ, свидѣтельствуетъ, что народы, говорящіе ими, или предки ихъ, первоначально вышли изъ одного средоточнаго пункта, именно изъ азіатской, общей для всѣхъ племенъ колыбели¹⁾. Были въ наукѣ попытки указать, какой именно изъ существовавшихъ или существующихъ и доселѣ языковъ былъ въ дѣйствительности первобытнымъ языкомъ: еврейскій, арамейскій, арабскій, эѳиопскій и нѣкоторые другіе древнѣйшиe считались различными представителями филологическихъ наукъ за тотъ языкъ, изъ котораго возникли всѣ другіе; съ открытиемъ ассирио-авилонскихъ клинообразныхъ надписей появились въ наукѣ гипотезы объ аккадійскомъ или о сумерійскомъ языкахъ, какъ имѣющихъ право тотъ или другой на признаніе въ качествѣ первобытнаго языка²⁾). Отсутствіе достаточныхъ письменныхъ памятниковъ лишаетъ возможности поставить такія гипотезы на надлежащую, твердую, научную почву, лишаетъ возможности прийти къ одному началу, общему для всѣхъ языковъ. Тѣмъ не менѣе уже самое существованіе подобнаго рода попытокъ въ наукѣ служитъ со стороны этой науки и на почвѣ науки подтвержденіемъ дѣйствительности тѣхъ изначальныхъ временъ, когда „на всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе“³⁾), когда послѣ потопного человѣчество представляло изъ себя „одинъ народъ“, говорившій „однимъ для всѣхъ языкомъ“⁴⁾), когда въ такомъ состояніи послѣ потопное человѣчество пребывало долгое время, такъ какъ, спустя много времени послѣ потопа, родъ человѣче-

¹⁾) *Gfrörer. Urgeschichte des menschlichen Geschlechts.* Schaffhausen. 1855. S. 67.

²⁾) *Vigouroux. La Bible et les découvertes modernes en Egypte et en Assyrie.* Tome I. P. 276—279.

³⁾ Быт. 11, 1.

⁴⁾ Быт. 11, 6.

скій, размножившійся, разселившійся, все еще говорилъ однімъ общимъ для всѣхъ „языкомъ всей земли“¹⁾.

Въ чемъ же состояло „смѣшеніе“ этого общаго для человѣчества языка, по опредѣленію Божію постигнувшее столпостроителей? Въ разъясненіи этого вопроса мы встрѣчаемъ нѣсколько взглядовъ. Одни предполагаютъ чисто-физической переворотъ въ человѣкѣ, другое—психо-физической, третыи, наконецъ, основываютъ его на нравственно-психологическихъ началахъ. Объясненія первого рода указываютъ на то или другое внезапное, чудодѣйственное измѣненіе свойствъ физической природы человѣка. Такъ, Фельдгофъ предполагаетъ, что столпостроители были внезапно поражены силою Божіею, какъ бы ударомъ, въ силу чего языки ихъ отяжелѣли и они сдѣлались нѣмыми, почему и перестали понимать другъ друга²⁾. Витринга же думаетъ, что „смѣшеніе“ или, по его мнѣнію, спутанность языка столпостроителей состояла въ недостаткѣ или трудности произношенія, наблюдавшейся, напр., у заикающихся; этотъ недостатокъ, поразившій столпостроителей по устроѣнію Божію и лишавшій ихъ возможности свободно объясняться съ другими, поселилъ среди поселенцевъ Сеннаара отвращеніе къ общему съ ближними и побудилъ ихъ разсѣяться по всей землѣ³⁾. По предположенію Гофмана⁴⁾ и основанному на немъ воззрѣнію проф. С. С. Глаголева⁵⁾, столпостроителей за ихъ сознательное противление волѣ Божіей поразила болѣзнь, приближавшаяся къ болѣзнямъ, обусловленнымъ мѣстнымъ разстройствомъ мозга, и

¹⁾ Быт. 11, 9.

²⁾ *Feldhoff. Völkertafel der Genesis. Elberfeld. 1837. S. 6.*

³⁾ *Vitrunga Compiegii. Observationes sacrae, libri sex. Lib. I, cap. I—IX. De confusione linguarum. Jena. 1723. P. 119, 120, 123.*

⁴⁾ *Hoffmann. Weissagung und Erfüllung im A. und N. Testament. I. Hälfte. Nördlingen. 1841. S. 96.*

⁵⁾ *Глаголевъ. О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго. Стр. 105—106.*

обнаружившаяся въ такомъ разстройствѣ ихъ рѣчи, что одинъ не могъ понять другого. Второго рода объясненія коренятся на психо-физическихъ основаніяхъ и содержать въ себѣ значительное разнообразіе развитія этихъ основаній. Такъ, Эбрадъ¹⁾ и свящ. Дьяченко²⁾ предполагаютъ, что вавилонская башня была разрушена первой грозой на землѣ, и что это событие произвело на строителей ея такой глубокий страхъ, что равновѣсіе ихъ душевныхъ силъ нарушилось, умственные способности ихъ разстроились и отсюда явилась неспособность ихъ выражать свои мысли словами. Скоттъ предполагаетъ воздействиѳ Божіе на сознаніе столпостроителей, произведшее то, что они забыли свой языкъ и стали понимать новый, подобный прежнему языку, языку фамилій³⁾. По взгляду Шеллинга, смышеніе языковъ столпостроителей имѣло своею причиною глубокое потрясеніе внутреннихъ основъ ихъ сознанія; и это потрясеніе Шеллингъ видитъ только въ измѣненіи религіознаго міровоззрѣнія человѣка, въ переходѣ его первоначальной монотеистической идеи въ политеистическую. На вопросъ же о томъ, какая существуетъ связь между появленіемъ въ сознаніи человѣческомъ тѣхъ или иныхъ религіозныхъ идей и способностію рѣчи, Шеллингъ не даетъ положительного отвѣта, настаивая только на существованії этой связи⁴⁾. Гораздо конкретнѣе изображаютъ предъ нами внутреннюю сторону смышенія языковъ тѣхъ воззрѣнія, которые основываютъ это смышеніе на нравственно-психологическихъ началахъ. Воззрѣнія эти исходятъ изъ понятія о характерѣ первобытной жизни человѣчества. Жизнь эту они представляютъ, какъ запечатлѣнную

¹⁾ Эбрадъ. Апологетика. Т. II. Стр. 518—549, 555.

²⁾ Дьяченко. О приготовленіи рода человѣческаго къ принятію христіанства. Стр. 98.

³⁾ Scott. A commentary upon the Holy Bible London. P. 39.

⁴⁾ Schelling. Einleitung in die Philosophie der Mythologie. S. 103—104, 107—109.

грѣхомъ: люди, сохранявшие первоначально единство своихъ религіозныхъ, монотеистическихъ идей и говорившие однимъ языкомъ, уже вскорѣ послѣ потопа начинаютъ отвращаться отъ Бога истиннаго, нарушаютъ свое духовно-нравственное единство и сами производятъ разладъ между собою; разладъ этотъ повелъ къ тому, что люди, не понимая другъ друга духовно, перестаютъ понимать другъ друга и въ рѣчи; сила Божія внезапно и чудесно только открыла этотъ давній уже разладъ во время вавилонскаго столпотворенія¹⁾. Мысль о духовномъ разладѣ среди человѣчества проводить и Витринга. Исходя изъ того факта, что слѣдствіемъ вавилонскаго столпотворенія было разсѣяніе человѣчества по землѣ, Витринга замѣчаетъ, что и говорящіе на различныхъ языкахъ могутъ еще жить въ одномъ и томъ же мѣстѣ, если они не различаются между собою „душею“, и отсюда дѣлаетъ выводъ, что, слѣдовательно, среди столпотворителей появилось раздѣленіе мыслей и намѣреній, имѣющее гораздо большее значеніе и сопровождающееся гораздо болѣе важными результатами, чѣмъ раздѣленіе только языка,—и что это раздѣленіе мыслей и взаимныхъ чувствъ и нужно разумѣть подъ тѣмъ смѣшеніемъ языка, о которомъ идетъ рѣчь въ книгѣ Моисеевой²⁾. Подобное же представленіе обѣ этомъ смѣшениіи языка, какъ о смѣшениіи мыслей столпотворителей, повлекшемъ за собою несогласія и споры между ними и только усилившемъ ихъ взаимное непониманіе другъ друга, высказывается и русскій апологетъ Рождественскій³⁾.

Защитники послѣдняго рода возврѣній на актъ смѣшнія языковъ выставляютъ естественность ихъ, указывая на

¹⁾ Schanz. *Apologie des Christenthums.* I. Th. Freiburg. 1887. S. 331.—Zeller. *Biblisches Wörterbuch.* II. Band. Stuttgart. 1866. S. 499.—Keil u. Delitzsch. *Biblischer Commentar über d. A. T. I. Th., 1. B.* S. 118.

²⁾ Vitrunga. *Observationes sacrae.* Lib. I. P. 109, 115—117.

³⁾ Рождественскій. Христіанская апологетика. Ч. II. Стр. 361—362.

то, что только при такомъ пониманіи библейского сказанія объ этомъ смѣшениі самыи актъ смѣшенія становится доступнымъ для вѣрующаго разума¹⁾. Какъ ни кажутся, однако, подобнаго рода возврѣнія защитникамъ ихъ естественными, но собственно-библейскихъ основаній въ пользу ихъ найти нельзя: Библія говоритъ о смѣшениі „языка всей земли“²⁾, а не о смѣшениі мыслей, намѣреній или „души“. При такомъ точномъ значеніи буквы библейской, едва ли можно считать позволительнымъ и даже нужнымъ прибѣгать къ аллегоризму, въ дѣйствительности далеко не такъ естественному. Съ другой стороны, наше понятіе о святости Божіей и законахъ Божественного міроправленія не должно допускать въ насть той мысли, чтобы Богъ дѣйствовалъ въ мірѣ недостойнымъ для Себя образомъ или пользовался бы худыми средствами для достиженія благихъ цѣлей, чтобы Богъ непосредственно споспѣществовалъ и даже направлялъ человѣчество къ духовному разладу. Такая кажущаяся „естественность“ объясненія должна быть признана совсѣмъ не естественною. Можно бы, конечно, значительно сгладить рѣзкость подобнаго аллегорического толкованія—допущеніемъ мысли не о споспѣществованіи Божиемъ, а только о попущеніи духовному разладу въ человѣчествѣ, съ благими цѣлями, чemu даже можно найти примѣры въ библейскихъ повѣствованіяхъ³⁾. Такое представленіе акта смѣшенія языковъ для вѣрующаго разума кажется гораздо естественнѣе; но до библейско-исторического пониманія этого события—такой же далекій шагъ. Въ этомъ отношеніи скорѣе можно отдать преимущество первого или второго рода возврѣніямъ, предполагающимъ физической или психо-физической переворотъ

¹⁾ Ibid., стр. 362.

²⁾ Быт. 11, 9.

³⁾ Въ такомъ смыслѣ представляетъ смѣшениѣ языковъ Вернеръ (*Werner. Geschichte der neuzeitlichen christlich-kirchlichen Apologetik. V. Band. Schaffhausen. 1867. S. 467.*)

въ человѣкѣ, такъ какъ въ нихъ рельефно выступаетъ высшая Сила, чудесно произведшая переворотъ въ человѣкѣ; но и здѣсь считать этотъ переворотъ за нѣмоту, недостатки произношенія и т. д.—все это не приближаетъ наше къ истинному смыслу библейскаго повѣствованія. При всѣхъ попыткахъ уяснить характеръ смѣшенія языковъ, событие это остается для наше тайною, потому что оно было необычайнымъ, чудеснымъ явленіемъ силы Божіей, потому что оно было предпринято по особому, таинственному рѣшенію Лиць Св. Троицы, такъ какъ слова „сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ“, какъ замѣчаетъ св. Ефремъ Сиринъ, сказаны не одному Лицу, ибо несвойственно было бы одному Лицу сказать „сойдемъ же и смѣшаемъ...“, а говоритъ это Богъ Отецъ Сыну и Духу, потому что въ первое время, какъ и въ послѣднее, даръ языковъ сообщенъ не безъ Сына и Духа¹⁾.

Флавій очень реально варируетъ библейскія слова о смѣшаніи языковъ: „Господь Богъ, говоритъ онъ, посыпалъ между ними (столпостройтелями) расплю, сдѣлавъ ихъ разноязычными и тѣмъ самымъ вызвавъ среди нихъ непониманіе другъ друга“²⁾. Какова была эта расплю и какими послѣдствіями могло сопровождаться взаимное непониманіе,—на это картиенно указываютъ талмудисты: „когда одинъ говорилъ другому: принеси мнѣ кирку, то тотъ приносилъ ему лопату, и тогда первый ударялъ второго этой лопатой и разбѣкалъ ему черепъ“³⁾. Сообщенія эти хорошо оттѣняютъ, въ чёмъ именно состояло смѣшеніе языковъ: это было именно разноязычіе, чудесное дарованіе каждому изъ столпостроителей способности говорить на другомъ языкѣ, причемъ первоначальный языкъ, также чудесно, какъ бы исчезъ изъ па-

¹⁾ Творенія св. отцовъ. Томъ XXII. Твор. св. Ефрема Сирина, ч. 8. Стр. 325—326.

²⁾ I. Флавій. Іудейскія древности, пер. Генкеля. Томъ I. Стр. 19.

³⁾ Der Midrasch Bereschit rabba, übers. von Wünsche S. 171.

мяти доселъ говорившихъ на немъ. Такихъ отдельныхъ языковъ, въ которые всемогущество Божие превратило первоначальный, единый для всего рода человѣческаго, языкъ, св. Епифаній Кипрскій насчитываетъ 72, по числу 72 тогдашнихъ родоначальниковъ человѣчества¹⁾). Интересно обратить вниманіе на слова св. Григорія Нисскаго по вопросу о характерѣ этихъ новыхъ языковъ. „Естество вещей, говоритъ св. отецъ, какъ водруженное Богомъ, пребываетъ недвижимъ, а звуки, служащіе для обозначенія ихъ, раздѣлились на столько различій языковъ, что даже и исчислить ихъ по множеству не легко. Если же кто смышеніе языковъ при столпотвореніи представить, какъ противорѣчіе сказанному, то и здѣсь не говорится, что Богъ творить языки людей, но смышливъ существующій языкъ, чтобы не всѣ понимали всѣхъ. Потому что пока всѣ жили одинаково и люди еще не раздѣлились на многія различія народовъ, вся совокупность вмѣстѣ жившихъ людей говорила однимъ языккомъ; послѣ же того, какъ по Божественному изволенію должна была содѣлаться обитаемою вся земля, по расторженіи общенія языка, люди разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, и каждый народъ вновь образовывалъ особый характеръ речений и звуковъ, получивъ въ удѣльъ единогласіе, какъ бы нѣкоторую связь взаимнаго единомыслія, такъ что, не разноглася относительно знанія предметовъ, люди стали различаться образомъ именованія ихъ. Ибо не что иное, что кажется камнемъ или деревомъ однимъ и не иное другимъ, а имена сихъ веществъ у каждого народа различны, такъ что остается твердымъ наше слово, что человѣческие звуки суть изобрѣтенія нашего разсудка. Потому что мы не знаемъ изъ Писанія ни того, чтобы въ началѣ, когда еще человѣчество было само съ собою единогласно, сообщены были слова отъ Бога какимъ

¹⁾ Творенія св. отцовъ. Томъ XLII. Твор. св. Епифанія Кипрскаго, ч. I. Стр. 29—30.—Твор. св. отцовъ. Томъ XLIV. Твор. св. Епифанія, ч. II. Стр. 104. *

либо наученіемъ, ни того, чтобы, когда языки раздѣлились на разныя отличія, Божественный законъ установилъ, какъ каждый долженъ говорить, но Богъ, восхотѣвъ, чтобы люди были разноязычны, предоставилъ имъ идти естественнымъ путемъ и каждому, какъ угодно, образовать звуки для объясненія именъ. Итакъ, Моисей, жившій много поколѣній спустя послѣ столпотворенія, употребляетъ одинъ изъ послѣдующихъ языковъ, повѣствую намъ исторически о происхожденіи міра, и, приписывая Богу нѣкоторыя слова, означаетъ ихъ на своемъ языкѣ, на которомъ былъ воспитанъ и къ которому привыкъ¹⁾). На основаніи этихъ словъ св. отца, мы имѣемъ основаніе заключить, что хотя при вавилонскомъ столпотвореніи виновники его чудесно сдѣлялись разноязычными, но это разноязычіе, какъ говорить Біблія, проявилось только въ „смѣщеніи“ языковъ, т. е. въ исключеніи возможности для человѣчества понимать другъ друга, а не въ мгновенномъ чудесномъ образованіи въ устахъ различныхъ членовъ рода человѣческаго совершенно новыхъ, раздѣльныхъ, обособленыхъ языковъ; въ готовомъ видѣ новые языки образовались въ человѣчествѣ уже послѣ разсѣянія его по всей землѣ, и образовались прогрессивно, вслѣдствіе какъ этого разсѣянія, такъ и другихъ естественныхъ причинъ. Дѣйствительно, и филология, не отрицая единства первоначального человѣческаго языка, въ то же время предполагаетъ цѣлую тысячелѣтія для развитія изъ этого первобытнаго языка всѣхъ существовавшихъ въ исторіи человѣчества и существующихъ языковъ. Особенно благопріятствуетъ такое пониманіе мнѣнію тѣхъ, которые самое смѣщеніе Богомъ языковъ основываютъ на постепенномъ духовномъ разладѣ въ человѣчествѣ. Впрочемъ, съ какимъ бы внѣшнимъ актомъ мы ни соединили это смѣщеніе языковъ

¹⁾ Творенія св. отцовъ. Томъ XLIV. Творенія св. Григорія Нисскаго, часть 6. Стр. 366 — 367.

въ человѣчествѣ, всегда останется несомнѣннымъ то, что, съ одной стороны, одно только „смѣшеніе“ языковъ было совершенно достаточно для цѣлей Божественнаго Промысла, съ другой—что самое развитіе и обособленіе того или другого языка находится въ большой зависимости отъ чисто естественныхъ особенностей исторической жизни говорящаго на немъ народа, что развитіе языковъ, видоизмѣненіе ихъ и т. п. отличія всегда совершились въ исторіи человѣчества совершенно естественнымъ путемъ, совершаются и въ наши времена. Нельзя только согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ западной литературѣ, что еще до столпотворенія первобытный языкъ человѣчества существовалъ будто бы съ наличностью значительныхъ внутреннихъ измѣненій въ себѣ, что этотъ языкъ и безъ Божественнаго чудеснаго воздѣйствія, благодаря только богатству даровъ и силъ, притекшихъ въ человѣчество, могъ бы будто бы развиваться, разнообразиться и самообогащаться, и что Божественное воздѣйствіе будто бы только ускорило естественное развитіе первобытнаго языка, начавшееся до столпотворенія¹⁾). Бытописатель какъ начинаетъ, такъ и оканчиваетъ свое повѣствованіе о вавилонскомъ столпотвореніи свидѣтельствомъ о существованіи въ то время на всей землѣ одного языка и одного нарѣчія, которое онъ и называетъ языкомъ всей земли, чѣмъ, несомнѣнно, исключаетъ всякую возможность предполагать существованіе какихъ либо отг҃енковъ, видоизмѣненій въ этомъ языкѣ, начало которыхъ относится уже къ періоду разсѣяннаго состоянія человѣчества и находится въ причинной зависимости отъ чрезвычайного воздѣйствія Божія. Это признаетъ и современная намъ филология, которая, указывая, что современные намъ языки при всемъ своемъ разнообразіи имѣютъ одно общее происхожденіе, въ то же время

¹⁾) Lange. Theologisch-homiletisches Bibelwerk. I. Th. S. 181.—Kaulen. Sprachverwirrung. Mainz. 1861. S. 220.

свидѣтельствуетъ, что смѣлость и рѣзкость въ начертаніи видоизмѣненій различныхъ языковъ говоритъ о чрезвычайномъ воздействиі, которое нѣкогда нарушило единство первоначальнаго, общаго для всѣхъ языка¹⁾.

Ближайшимъ слѣдствіемъ чудеснаго смѣшенія Богомъ языка столпостроителей было прекращеніе ими предпринятой постройки города и башни, и затѣмъ естественное раздѣленіе, обособленіе и разсѣяніе по разнымъ областямъ земли, за невозможностью продолжать общую, совмѣстную жизнь для большого числа представителей рода человѣческаго, совершенно не понимавшихъ другъ друга. А городу, который они начали было строить, „дано было имя: Вавилонъ, ибо тамъ смѣшалъ Господь языкъ всей земли, и оттуда разсѣялъ ихъ Господь по всей землѣ“²⁾. Ўытаписатель очень реальфно ставить въ связь данное недоконченому городу название съ тѣмъ громадной важности событиемъ, которое послужило причиной прекращенія постройки, которымъ въ то время постройка эта и окончилась,—событиемъ, составлявшимъ средоточный пунктъ въ исторической жизни всего міра,—именно смѣшеніемъ языковъ: имя, данное городу,—Вавилонъ, въ еврейской транскрипціи *Babel*, онъ производитъ, очевидно, отъ слова *balbel*, въ свою очередь происходящаго отъ глагола *balal*, смѣшивать. *Balbel*, непосредственно происходящее отъ глагола *balal*, повторяющемся однихъ и тѣхъ же звуковъ указываетъ на бормотаніе, какое-то непонятное сочетаніе звуковъ,—т. е. на явленіе, подобное тому, какое было съ столпостроителями вавилонскими послѣ смѣшенія у нихъ языка; а *Babel* въ иѣскоѣко сокращенномъ уже видѣ дало *Babel*,—имя, поставленное въ первой библейской книгѣ. Такое толкованіе имени

¹⁾ Werner. Geschichte der neuzeitlichen christlich-kirchlichen Apologetik. V. Band. S. 467.

²⁾ Быт. 11, 8—9.

Вавилона мы встречаемъ и въ нѣкоторыхъ виѣбіблейскихъ историческихъ и поэтическихъ сказаніяхъ. Госифъ Флавій свой разсказъ о столпотвореніи заключаетъ такими словами: „то мѣсто, гдѣ они (столпостроители) построили башню, называется теперь Вавилономъ, вслѣдствіе происшедшаго здѣсь смѣшнія языковъ, вмѣсто которыхъ раньше было одинъ всѣмъ доступный; евреи называютъ смѣщеніе *babel*“ ¹⁾). Евсевій Кесарійскій, приведя своеобразный разсказъ древняго историка Абидена о столпотвореніи вавилонскомъ, замѣчаетъ: „то мѣсто, на которомъ строили башню, называется теперь Вавилономъ, вслѣдствіе происшедшаго здѣсь смѣшнія языка; у евреевъ смѣщеніе называется *babel*“ ²⁾). Въ такъ называемыхъ Сивиллиныхъ книгахъ находимъ упоминаніе, что боги при столпотвореніи „дали каждому изъ строителей особый языкъ“ ³⁾). Отсюда и городъ сталъ называться Вавилономъ“ ⁴⁾). Между тѣмъ такое объясненіе названія Вавилона, повидимому, не оправдывается свѣтской исторіей, основанной на данныхъ чисто вавилонскаго происхожденія. Исторія эта, съ одной стороны, не подтверждается того, чтобы указанное въ Бібліи название было именно первоначальнымъ названіемъ этого города. Древнѣйшимъ халдейскимъ названіемъ впослѣдствіи могущественной столицы вавилонской было *Tintir*, что значитъ „средоточіе жизни“ ⁵⁾). Позже городъ этотъ получилъ другое название *Kadingirra*, что въ переводѣ на семитическую форму равняется *Babiliu* ⁶⁾), слову, означающему название Вавилона и въ библейскомъ повѣствованіи. И только со времени

¹⁾) *I. Flavij. Iудейскія древности*, пер. Генкеля. Томъ I. Стр. 19.

²⁾) *Collectio selecta ecclesiac patrum*. Tom. XIX. P. 540.

³⁾) Въ другой редакціи: „произвели взаимное несогласіе среди людей“.

⁴⁾) *I. Flavij. Iудейскія древности*, пер. Генкеля. Томъ I. Стр. 20.—*Oracula sibyllina*, rec. Rzach. Vindobonae. 1891. P. 54.

⁵⁾) *Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek*. Band III—1. Hälften. S. 203.—*Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte*. 1. Teil. S. 87.

⁶⁾) *Schrader. Keilinschriftliche Bibliothek*. Band III—1. Hälften. S. 109, 203.—*Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte*. 1. Teil. S. 87.

царя Гаммураби (приблизительно съ 1500 г. до Р. Хр.) за городомъ этимъ постепенно упрочивается и, наконецъ, окончательно укореняется название *Бавилона*¹⁾. Съ другой стороны, название *Kadingirra* и равносильное ему *Babilu* въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „ворота бога“²⁾, т. е. имѣеть совершенно другое значеніе, чѣмъ библейское *Babel*. Переводятъ, впрочемъ, вавилонское *Babilu* и чрезъ „ворота Ила“ (Ану), первого верховнаго бога вавилонскаго, ссылаясь на то, что кульгъ бога Ила, какъ видно изъ клинообразныхъ надписей вавилонскихъ³⁾, бытъ древнѣйшимъ въ Вавилонѣ⁴⁾. Послѣднее объясненіе едва ли можетъ быть вполнѣ оправдано: съ одной стороны, кромѣ Ила (Ану) въ Вавилонѣ въ древнѣйшія времена почитались еще Виль и Еа⁵⁾, и вовсе не Иль (Ану) считался особымъ богомъ-покровителемъ Вавилона; съ другой стороны, греческая форма названія Вавилона—*Βαβυλών* своимъ окончаніемъ какъ будто даетъ основаніе переводить название этого города чрезъ „ворота боговъ“, „ворота бога“—въ собирательномъ смыслѣ, а не „ворота“ какого либо опредѣленнаго вавилонскаго божества; при всегдашихъ политеистическихъ вѣрованіяхъ древнихъ вавило-

¹⁾) *Schrader*. Keilinschriftliche Bibliothek. Band III—1. Hälften. S. 111, 117, 121, 123, 131, 137, 153, 163, 165, 173, 175, 177, 179, 181, 183, 184, 185, 187, 189, 191, 193, 197, 199, 203. Band. III—2. Hälften. S. 7, 9, 11, 19, 23, 25, 33, 39, 47, 53, 55, 57, 59, 61, 63, 67, 69, 71, 73, 77, 81, 83, 85, 87, 95, 97, 99, 107, 113, 119, 121, 125, 137, 141. Band II. S. 9. Band IV. S. 65, 67, 69, 73, 75, 89, 95, 97, 167, 169, 171, 173, 175, 177, 179, 181, 183, 185, 187, 189, 191, 193, 195, 197, 199, 201, 203, 205, 207, 209, 211, 213, 217, 219, 221, 223, 227, 229, 231, 233, 235, 237, 239, 241, 243, 245, 247, 249, 251, 253, 255, 257, 259, 261, 263, 265, 267, 269, 271, 273, 275, 277, 279, 281, 283, 285, 287, 289, 291, 293, 295, 297, 299, 301, 303, 305, 307, 309.

²⁾) *Tiele*. Babylonisch-assyrische Geschichte. 1. Teil. S. 83, 87.

³⁾) Надпись Гаммураби: „Иль (Ану) и Виль дали мнѣ во владѣніе землю Сумиръ и Аккадъ“ (*Schrader*. Keilinschr. Bibliothek. Band III—1. Hälften. S. 123).

⁴⁾) *Schrader*. Die Keilinschriften und das Alte Testament. S. 42.

⁵⁾) Въ той же надписи Гаммураби имя Вила стоитъ рядомъ съ именемъ Ила (Ану).

напъть такое объясненіе, конечно, совершиенно естественно. Во всякомъ случаѣ приведенныя нами основанія могутъ дать предубѣжденному читателю библейскаго повѣствованія о происхожденіи Вавилона достаточный поводъ заподозрить правильность библейскаго толкованія этого названія, а отсюда, можетъ быть, усомниться въ истинности и самаго повѣствованія. Въ защиту ея замѣтимъ, что древніе города нерѣдко носили по иѣскольку названій: самъ Вавилонъ имѣлъ прозвание *Suanna*, т. е. „могущественный городъ“; а слово *E* (т. е. „жилище“) было очень обыкновеннымъ, часто употреблявшимся названіемъ того же Вавилона, замѣнявшимъ основное его название¹⁾). Нѣтъ ничего невозможнаго, если тотъ же Вавилонъ издревле, наряду съ обыкновенно употреблявшимся названіемъ своимъ *Tintir*, сохранялъ и другое, семитическое, мнѣе употребительное название *Babilu*, которое впослѣдствіи постепенно сдѣлалось господствующимъ среди другихъ названій этого города. Затѣмъ, древнія названія городовъ иногда имѣли двоякое значеніе; для примѣра укажемъ на слово Виолеемъ (*Betlehem*), которое обыкновенно означало „домъ хлѣба“, но въ арабской своей формѣ (*Betlaham*) значило „домъ мяса“²⁾). Не могли ли двоякимъ образомъ производить и слова *Babel* (*Babilu*)? Даѣше, производство названія Вавилона въ смыслѣ „ворота бога“ могло явиться только по основаніи этого города,—мало того, по образованіи уже вавилонского народа съ особою политеистическою системою вѣрованій; следовательно, это производство не можетъ быть названо первоначальнымъ. Оно, кромѣ того, имѣло своею цѣллю возвысить славу города, приписать ему какъ бы божественное происхожденіе, поставить его подъ особое покровительство боговъ; во всякомъ случаѣ, это было гораздо естественнѣе и гораздо

¹⁾ Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. 1. Teil. S. 87.

²⁾ Vigouroux. La Bible et les dÃ©couvertes modernes en Egypte et en Assyrie. Tome I. P. 268.

приличнѣе для народнаго тицеславія, чѣмъ оставлять за нимъ название „смѣшанія“. Съ этою цѣлію неневозможно предположить даже некоторую уловку въ измѣненіи начертанія названія Вавилона, съ цѣлію придать ему болѣе желательный для народнаго чувства смыслъ¹⁾). Справедливо замѣчаетъ по поводу такого научнаго толкованія названія Вавилона Шеллингъ. „Въ новое время, говоритъ онъ, пытаются обосновать имя великаго города отъ соединявшихся съ нимъ преданій, пытаются дать ему другое производство, отличное отъ того, какое даетъ ему библейское повѣствованіе. Производятъ слово „Babel“ отъ „Bab-El“ (ворота, святилище Ила); но напрасно: производство это невѣроятно потому, что „bab“ въ такомъ значеніи употребляется только въ арабскомъ языкѣ. Гораздо точнѣе то производство, которое указываетъ Біблія: „посему дано ему имя: Вавилонъ, ибо тамъ смѣшалъ Господь языкъ всей земли“. Слово „Babel“, дѣйствительно, есть сокращенное „balbel“,—слово, въ которомъ заключается нечто подобозвучное. Замѣчательно, что звукопѣдражаніе, незамѣтное уже въ произношеніи слова „Babel“, сохранилось еще въ происшедшіихъ отъ „balbel“ словахъ въ другихъ языкахъ, болѣе позднихъ. Я разумѣю греческое слово βάρβαρος, которое происходитъ отъ халдейскихъ „bar“ (виѣ) и „barja“ (иностраницъ). Но у грековъ и римлянъ слово „варваръ“ означало не вообще иностранца, а человѣка, говорящаго на неизвѣстномъ языкѣ²⁾... Кромѣ того, производство этого слова отъ „bar“ указываетъ на повтореніе данного слога, а въ этомъ повтореніи и заключается звукоподражаніе... И греческое βάρβαρος образовалось чрезъ смѣщеніе согласныхъ *r* и *l* восточ-

¹⁾ Ibid., p. 274—275.

²⁾ Въ языкахъ другихъ народовъ греки и римляне усматривали лишь неизвѣстное для себя бормотанье, воспринимали слухомъ лишь часто повторявшіеся смѣшанные звуки *bar*, *bar*, *bar*, почему и называли говорящихъ на этихъ неизвѣстныхъ языкахъ варварами (*βάρβαρος*, *barbarus*).

наго слова „*balbal*“, которое указывает на смѣшеніе звуковъ, на спутанное произношеніе, и съ этимъ значеніемъ употребляется въ арабскомъ и сирскомъ языкахъ. Такое же звукоподражаніе мы находимъ въ латинскомъ *balbus*, *balbuties*, французскомъ *babiller*, *babil*, нѣмецкомъ *babeln*, швабскомъ *babbeln*—болтать, бормотать“¹⁾). Послѣ такого сужденія одного изъ авторитетныхъ западныхъ ученыхъ, положеніямъ кото-раго мы не имѣемъ никакого основанія не довѣрять, истина библейского объясненія названія Вавилона должна выступить предъ нами во всей своей силѣ.

И все частности библейского повѣствованія о столпотвореніи, все это повѣствованіе въ цѣломъ, въ своемъ послѣдовательномъ историческомъ развитіи должно быть признано нами за чистую истину. Въ этомъ убѣждаетъ насъ не только свидѣніе достоинства Библіи: повѣствованіе это въ той или иной формѣ, съ той или иной степенью достовѣрности,—но несомнѣнно съ основнымъ зерномъ истины,—мы встрѣчаемъ въ разнообразныхъ источникахъ, ничего общаго съ Божественнымъ Откровеніемъ не имѣющихъ. Такъ, въ ряду открытыхъ въ сравнительно недавнее время англійскимъ ассиріологомъ Смитомъ въ ниневійской библіотекѣ царя Ассурбанипала ассирио-ававилонскихъ повѣствованій о первобытныхъ временахъ есть одна надпись, заслуживающая полнаго вниманія. Вотъ текстъ начала этой надписи въ томъ отрывочномъ видѣ, въ какомъ она представлена Смитомъ. „...Ихъ отецъ... о немъ, его сердце было преступно,... было враждебно въ отношеніи къ отцу всѣхъ боговъ... о немъ, его сердце было преступно... Вавилонъ бытъ нисровергнутъ, дѣтямъ и взрослымъ онъ смѣшалъ языки... Вавилонъ бытъ нисровергнутъ, дѣтямъ и взрослымъ онъ смѣшалъ языки. Впродолженіе дня они строили прочное зданіе, а ночью онъ до основанія разрушалъ его. Во гнѣвѣ онъ изрекъ свое повелѣніе,

¹⁾ Schelling. Einleitung in die Philosophie der Mythologie. S. 106—107.

взоръ свой направилъ къ тому, чтобы разсѣять ихъ далеко вокругъ, онъ отдалъ повелѣніе, планы ихъ разстроились,... онъ не доускаль продолженія (постройки)... выстроено святилище¹⁾). Какъ видимъ, въ текстѣ этой надписи есть не мало чертъ, сближающихъ ее съ библейскимъ повѣствованіемъ: здѣсь упоминается о нравственномъ развращеніи человѣчества (?), о предпринятой имъ постройкѣ грандіознаго зданія, о гнѣвѣ Божества на это порочное человѣчество, недопущеній продолженія постройки, разсѣяніи народа; называется здѣсь Вавилонъ—мѣсто, где воздвигалось зданіе; говорится о смѣщеніи даже языковъ,—хотя самъ Смитъ и переводчикъ его Деличъ сомнѣваются въ правильности перевода Смитомъ ассирийского слова, переданного имъ словомъ „смѣшалъ языки“²⁾). Черты слишкомъ сходныя, чтобы не признать происхожденія этого сказанія отъ одного общаго съ библейскимъ повѣствованіемъ источника—именно преданія, идущаго отъ самихъ же современниковъ столпотворенія; а съ другой стороны, различие достаточно значительное, чтобы не признать въ ассирио-аввилонскомъ сказаніи опоястиванный и націонализированный перифразъ первоначального исторического преданія. А что вообще среди вавилонянъ жила память объ обстоятельствахъ, среди которыхъ получилось начало своего существованія ихъ знаменитый Вавилонъ,—объ этомъ говорятъ попадающіяся на вавилонскихъ цилиндрахъ рельефныя изображенія человѣческихъ фигуръ, работающихъ надъ какими-то башнеобразными предметами; предполагаютъ, что это—карикатуры вавилонского столпотворенія³⁾.

Наконецъ, къ національнымъ вавилонскимъ преданіямъ о столпотвореніи относится слѣдующее, дошедшее до насъ чрезъ Евсевія Кесарійскаго отъ древняго историка Абидена.

¹⁾ Smith. Chaldäische Genesis, übers. von Delitzsch. S. 122.

²⁾ Ibid., S. 124, 310.

³⁾ Ibid., S. 120—121.

„Первые люди, говорить Абиденъ, происшедшіе изъ персти земной, полагаясь на свои физическія силы, на громадный ростъ своего тѣла, стали добиваться могущества, большаго чѣмъ у самихъ боговъ, и предприняли постройку огромной высоты башни на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположень Вавилонъ; когда вершина этой башни была уже въ недалекомъ разстояніи отъ неба, то вѣтры, по опредѣленію боговъ, разрушили до основанія это громадное и прочное зданіе, а изъ мусора разрушенной башни было воздвигнуто то, что затѣмъ было названо Вавилономъ; люди же, до того времени говорившіе однимъ, общимъ для всѣхъ языкамъ, стали съ тѣхъ поръ говорить на многихъ, разнообразныхъ языкахъ“¹⁾). Сказаніе это представляетъ несомнѣнныій интересъ: близость его по содержанію, съ одной стороны, съ библейскимъ повѣствованіемъ о столпотвореніи, съ другой—съ приведеннымъ нами отрывкомъ клинообразной надписи очевидна; близость эта даже побуждаетъ искателей изслѣдователей или предполагать возникновеніе указанного преданія на почвѣ іудейской, а не чисто-вавилонской, или даже заподозривать подлинность словъ Абидена²⁾). Но не довѣрять Евсевію Кесарійскому, весьма нерѣдко украшающему и основывающему свою историческую рѣчь на приводимыхъ имъ выдержкахъ изъ произведеній древнихъ авторовъ, мы не имѣемъ повода; съ другой стороны, возникновеніе сообщаемаго Абиденомъ преданія добросовѣстный историкъ всегда уясняетъ самымъ естественнымъ путемъ,—путемъ происхожденія его не отъ національно-іудейскаго, а отъ общечеловѣческаго преданія, перешедшаго, по раздѣленіи языковъ и образованіи отдельныхъ народовъ, какъ къ народу обѣтованному, такъ, между прочимъ, и къ вавилонянамъ.

¹⁾ *Collectio selecta ecclesiae patrum*, ed. Caillau et Guillon. Tomus XIX.
P. 540.

²⁾ *Dillmann*. *Die Genesis*. I. Liefer. S. 202—203.

Изъ преданий другихъ народовъ о вавилонскомъ столпотвореніи заслуживаетъ упоминанія разсказъ третьей книги сивиллы эриорейской. „Люди¹⁾), говорится здѣсь, стали строить башню²⁾ въ землѣ ассирийской; всѣ они говорили въ то время однимъ языкомъ, и хотѣли подняться на небо, сіяющее міріадами звѣздъ; тогда богъ повелѣлъ вѣтрамъ, и вѣтры разрушили до основанія громадную башню, а среди людей произвели взаимное несогласіе³⁾; отсюда люди и назвали этотъ городъ Вавилономъ. Когда башня упала, языки человѣческій распался на множество нарѣчій, и на землѣ получили свое существованіе отдѣльныя царства“⁴⁾). Такъ называемыя Сивиллины книги или пророчества, изложенные отъ лица какой-то таинственной, легендарной сивиллы, представляютъ собою смѣщеніе іудейско-біблейскихъ, языческихъ и даже христіанскихъ возврѣній, а древнѣйшая изъ этихъ книгъ—третья, какъ можно видѣть изъ ея содержанія, заключаетъ въ себѣ компиляцію виѣшнимъ образомъ сгруппированныхъ и нагроможденныхъ другъ на друга мыслей и понятій, взятыхъ изъ біблейскихъ книгъ и произведеній греческихъ классиковъ. Что касается только что приведенного разсказа ея о столпотвореніи, то этотъ разсказъ, какъ значительно въ частностихъ отличающейся отъ біблейского повѣствованія, непосредственно и всецѣло изъ него заимствованъ быть не могъ; источниковъ сивиллина разсказа мы должны искать въ письменномъ или устномъ, но, во всякомъ случаѣ, виѣбіблейскомъ народномъ преданіи.

¹⁾ Въ другой редакціи: „иѣкоторые изъ людей“.

²⁾ Въ другой редакціи: „страшной высоты башню“.

³⁾ Въ другой редакціи: „дали каждому изъ строителей особый языкъ“.

⁴⁾ *Oracula sibyllina*, rec Rzach. P. 53—54.—I Флавій. Іудейскія древности, пер. Генкеля. Томъ I. Стр 19—20.—*Collectio selecta ecclesiae patrum*. Том. XIX. Р. 541.

Отличительную особенность указанныхъ внѣбіблейскихъ преданій о вавилонскомъ столпотвореніи составляетъ то, что все они рельефно выдигаютъ впередъ одну черту, на которой и зиждется въ своей послѣдовательности истинное, историческое повѣствованіе объ этомъ событии: все они говорятъ о нравственномъ развращеніи человѣчества, объ исключительныхъ, грѣховныхъ отношеніяхъ его къ Божеству, какъ основаніи самой мысли о столпотвореніи и какъ причинѣ смѣшнія языковъ и разсѣянія народовъ. Въ этомъ отношеніи близость ихъ къ біблейскому повѣствованію о столпотвореніи особенно замѣтна. Въ другихъ народныхъ преданіяхъ эта основная черта отходитъ назадъ, и нравственного элемента въ нихъ почти незамѣтно. Такъ, напр., древній историкъ Евполемъ, который, какъ мы уже говорили, сообщаетъ, что городъ Вавилонъ и башня его были выстроены тѣми, которые спаслись отъ потопа, и что это были исполины,—прибавляетъ, что „когда башня, по повелѣнію Божію, разрушилась, то исполины эти были разсѣяны и разселены по всѣмъ областямъ земного шара“ ¹⁾). Близкое отношеніе къ этому краткому разсказу имѣеть и преданіе Армени. „Отъ нихъ (боговъ или богоподобныхъ существъ, населявшихъ землю въ первобытныя времена), передаетъ одинъ изъ древнихъ національныхъ историковъ, произошло поколѣніе исполиновъ, отличавшихся большой физической силой и огромнымъ ростомъ. Полные высокомѣрія и упрямства, они предприняли нечестивое намѣреніе строить высокую башню. Но въ то время, какъ они были заняты постройкой, неистовый вѣтеръ, по повелѣнію разгневанного божества, разрушилъ громадное зданіе и разнесъ среди людей неизвѣстныя слова, отчего и произошло среди нихъ несогласіе и смѣщеніе“ ²⁾). Въ Индіи разсказываютъ о какомъ-то деревѣ „вата“ (фиговое дерево), высоко

¹⁾ Collectio selecta ecclesiae patrum. Tom. XIX. P. 543.

²⁾ Lüken. Die Traditionen des Menschengeschlechts. S. 282.

поднимавшемся къ небу и укрывавшемъ подъ своими вѣтвями первыя человѣческія семьи, говорившія единымъ языкомъ божовъ; люди вздумали по этому дереву взобраться на небо, но божество наказало ихъ за высокомѣріе и произвело раздѣленіе ихъ вѣрованій, языка и правовъ¹⁾). Въ Кореѣ существуетъ древнее преданіе о томъ, что „нѣкогда всѣ люди на землѣ говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, и только при постройкѣ башни, при помоли которой они хотѣли взобраться на небо, языкъ этотъ былъ смѣшанъ“²⁾). Въ Мексикѣ одинъ изслѣдователь узналъ слѣдующую сагу: „когда воды потопа спали, одинъ изъ исполиновъ, по имени Кселгуацъ, зодчій, отправился въ Холулу, гдѣ въ воспоминаніе о горѣ Тлалокѣ, послужившей ему и его шести братьямъ мѣстомъ спасенія, воздвигнулъ искусственный холмъ пирамидальной формы; кирпичи для этого онъ велѣлъ приготавлять въ провинціи Гламаналко, у подошвы Сіерры Кокотльи, и для доставки ихъ въ Холулу поставилъ рядъ людей, чтобы передавать ихъ изъ рукъ въ руки; боги съ негодованіемъ смотрѣли на это зданіе, вершина котораго должна была касаться облаковъ, и, раздраженные дерзостью Кселгуаца, низвергнули на пирамиду огонь; много рабочихъ погибло, зданіе не было окончено, и внослѣдствіи его посвятили богу воздуха Кветцалькоатлю“³⁾). Въ Юкатанѣ передается сага о Вотанѣ, родоначальникѣ чіапансезовъ, во время котораго предпринята была постройка большого зданія; по приказанію дѣда Вотана, бывшаго въ ковчегѣ, зданіе это должно было возвышаться отъ земли до неба; въ той странѣ, гдѣ строилось это зданіе, каждому народу данъ бытъ особый языкъ⁴⁾.

Мы изложили только тѣ вѣбблейскія народныя сказанія о вавилонскомъ столпотвореніи, которыхъ имѣютъ суще-

¹⁾ Ibid., S. 284—285.

²⁾ Ibid., S. 285.

³⁾ Ibid., S. 287.

⁴⁾ Ibid., S. 288.

ственное сходство съ библейскимъ повѣствованіемъ; не упоминаемъ о немаломъ количествѣ такихъ сагъ, которые только построены на библейской почвѣ и содержать въ себѣ только тотъ или другой существенный пунктъ этого повѣствованія¹⁾). Въ изложенныхъ нами сказаніяхъ, въ ихъ совокупности, заключаются всѣ элементы библейского повѣствованія: въ нихъ говорится о первоначальномъ единстве языка въ родѣ человѣческомъ, о нравственномъ развращеніи людей, въ частности ихъ высокомѣріи, упрямствѣ, возстаніи противъ божества, стремлениі къ обладанію могуществомъ боговъ, желаніи подняться на небо; упоминается объ исполинскомъ ростѣ и физической силѣ этихъ людей, какъ основаніи къ появлению у нихъ такихъ преступныхъ мыслей и намѣреній; идетъ рѣчь о предпринятой, нѣкоторыми изъ людей постройкѣ города и башни высотою до небесъ; упоминается о формѣ этой башни, о материалѣ для нея, о странѣ, въ которой была предпринята эта постройка, называется имя города, данное ему по прекращеніи постройки; говорится объ успѣхѣ начатаго предпріятія; идетъ рѣчь о гнѣвѣ божества на столпостроителей, объ осужденіи ихъ нечестивыхъ намѣреній, о разрушеніи ихъ плановъ; упоминаются и мѣры, какими прекращено было осуществленіе этихъ плановъ: физическая—вѣтры, огонь, какъ разрушительныя стихіи, или непосредственное разрушеніе богами въ ночное время того, что построено было людьми днемъ,—и нравственные—смѣшеніе языковъ у представителей всѣхъ возрастовъ; говорится о слѣдствіяхъ этого смѣшанія—взаимныхъ несогласіяхъ среди людей, разсѣяніи ихъ по разнымъ областямъ, образованіи отдельныхъ царствъ и народовъ и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ отдельныхъ пунктовъ рассказа не имѣютъ для себя прямого основанія въ библейскомъ повѣствованіи и служатъ отраже-

¹⁾ Излагаются онѣ, между прочимъ, въ томъ же изслѣдованіи Lüken'a (S. 278—289).

ніемъ разнаго рода національныхъ, політеистическихъ и т. п. идеи того или другого народа; другіе какъ бы дополняютъ, отѣняютъ біблейскій разсказъ, дѣлая его болѣе реальнымъ. Но во всѣхъ сказаніяхъ, съ одной стороны, проводится мысль объ исключительности изложеннаго въ нихъ событія, этой катастрофы для человѣческаго рода, съ другой — выступаетъ впередъ верховная сила, осудившая намѣренія столпостроителей, смѣшавшая ихъ языки и положившая конецъ недоконченому еще строенію города и башни. Безъ всякаго сомнѣнія, представленныя нами преданія различныхъ народовъ и племенъ служатъ только подтвержденіемъ истины ихъ основного разсказа. Какъ замѣчаетъ одинъ специальный изслѣдователь этого вопроса, „первоначальное преданіе въ той или другой степени бываетъ извращено, однако оно отражается у различныхъ народовъ въ самыхъ разнообразныхъ миѳическихъ представленіяхъ, не лишенныхъ, понятно, національной окраски, среди которой, при всемъ томъ, ярко выступаетъ на видъ историческое зерно первоначального преданія“¹⁾). Эта мѣстная и національная окраска, это „націонализированіе и локализація“²⁾ первоначальныхъ преданій бываютъ, понятно, у различныхъ народовъ весьма сильны: извращенія, смѣщенія, перестановки — все это здѣсь возможно; но основное зерно не теряется никогда и сохраняется сравнительно чистымъ у всѣхъ народовъ. И этихъ основныхъ элементовъ, представляющихъ въ своей совокупности и логической послѣдовательности стройный разсказъ, въ преданіяхъ о вавилонскомъ столпотвореніи гораздо больше, и взаимное сходство и соответствие ихъ несравненно ближе, чѣмъ въ преданіяхъ, напр., о твореніи міра, всемирномъ потопѣ и другихъ событіяхъ изъ жизни первобытнаго человѣка на землѣ, — ближе, вѣроятно, потому, что вавилонское столпотвореніе, неизбѣжнымъ слѣдствиемъ своимъ имѣв-

¹⁾) Lüken. Die Traditionen des Menschengeschlechts. S. 170.

²⁾) Ibid., S. 171.

шее разсъяніе человѣчества и образованіе отдѣльныхъ народовъ, отдѣльныхъ историческихъ единицъ, было, по существу, для каждого отдѣльного народа уже не доисторическимъ, а какъ бы національно-историческимъ явленіемъ и потому, естественно, отчетливѣе запечатлѣлось въ національно-индивидуальной памяти каждого народа. И не только взаимное сходство національныхъ преданій именно о вавилонскомъ столпотвореніи близко, но такъ же близко сходство этихъ преданій и съ повѣствованіемъ библейскимъ. Эти основные элементы, отражающіеся во всѣхъ самыхъ разнородныхъ и „націонализированныхъ“ представленияхъ, и составляютъ ихъ *историческое зерно*, которое только подтверждаетъ истину и библейского повѣствованія о столпотвореніи. Отрицать историческое значеніе основного логического рассказа—значитъ идти прямо противъ всеобщей вѣры, противъ общаго невольнаго сознанія и убѣжденія всего рода человѣческаго, противъ убѣжденія даже тѣхъ, которые не знаютъ и не хотятъ знать Библіи.

Еще вопросъ,—знаетъ ли история какіе нибудь вещественные слѣды вавилонской башни,—подтверждается ли и съ этой стороны историческій характеръ библейского повѣствованія о столпотвореніи? Разсматривая внѣбиблейскія сказанія объ этомъ событии, мы находили упоминанія о судьбѣ воздвигнутой столпостроителями башни,—именно о разрушеніи ея, по непосредственному опредѣленію Божію, грозными стихіями природы—вѣтромъ или огнемъ. Такія упоминанія мы не можемъ считать совершенно лишенными всякой вѣроятности: о разрушеніи вавилонского столпа вѣтрами говорить и св. Епифаній Кипрскій¹⁾). Во всякомъ случаѣ, если считать это разрушеніе непосредственнымъ опредѣленіемъ Божіимъ мы не имѣемъ данныхъ въ библейскомъ повѣствованіи, то

¹⁾ Творенія св. отцовъ. Томъ XLII. Твор. св. Епифанія Кипрскаго. ч. I. Стр. 30.

отрицать постепенное разрушительное вліяніе на воздвигнутое строеніе со стороны атмосферныхъ явленийъ, при вѣроятной долговременной необитаемости и запущеніи этого зданія, мы тоже не имѣемъ логическихъ основанийъ. О послѣдующей судьбѣ вавилонской башни, и именно этой башни, намъ кажется, говорить приведенная уже нами выше клинообразная надпись Навуходоносора II объ „Гуриминанки, возвышающейся уступами башнѣ въ Борсиппѣ“, которую прежде бывшій царь построилъ и возвелъ на 42 локтя въ высоту, но до вершины не довелъ“. Въ своемъ мѣстѣ мы достаточно сказали по поводу содержанія этой надписи. Особенно знаменательными намъ кажутся, съ одной стороны, то обстоятельство, что надпись говоритъ именно о „башнѣ“, а съ другой стороны—упоминаніе, что башня эта до вершины не была доведена. Очевидно, во времена Навуходоносора въ Борсиппѣ стояла башня, которая и при своемъ разрушенномъ видѣ производила впечатлѣніе строенія неготоваго, неоконченного; вѣроятно, съ этой башней соединялось и какое нибудь преданіе о строителяхъ ея, а можетъ быть—и объ обстоятельствахъ ея постройки, и о причинѣ, препятствовавшей какъ строителямъ довести ее до вершины, такъ и послѣдующему населенію Борсиппы воспользоваться ею для какихъ либо цѣлей. Можно поставить по поводу этой, возобновленной Навуходоносоромъ башни цѣлый рядъ вопросовъ, трудно разрѣшимыхъ при лаконичности одной только надписи Навуходоносора; но при свѣтѣ библейского повѣствованія о столпотвореніи и самая эта надпись въ глазахъ непредубѣжденного читателя получаетъ иной смыслъ. Возраженій противъ тожества упоминаемой въ надписи древней, недоконченной башни съ вавилонскимъ „столпомъ“, о которомъ говорить библейское повѣствованіе, можно ожидать только со стороны мѣста строенія этой башни—Борсиппы, а не Вавилона: указываютъ именно на то, что Борсиппа въ надписяхъ ассирио-

вавилонскихъ и у историковъ всегда отличалась отъ Вавилона и что она находилась отъ него въ слишкомъ далекомъ разстояніи для того, чтобы ее можно было включить въ пространство, огражденное наружною стѣною Вавилона¹⁾. О мѣстоположеніи Борсиппы достаточно уже сказано было выше. Теперь считаемъ нужнымъ только прибавить, что о Борсиппѣ, какъ мѣстѣ столпотворенія, мы имѣемъ заслуживающія довѣрія свидѣтельства. Такъ, въ мидрашахъ на книгу Бытія мы находимъ слѣдующій разсказъ. Одинъ учитель-раввинъ спросилъ своего ученика, откуда онъ; тотъ отвѣтилъ, что изъ Борсиппы. „Не говори: изъ Борсиппы, —замѣтилъ ему учитель,— а скажи: изъ Болсиппы, потому что здѣсь Господь смѣшилъ людямъ языки“²⁾. Въ сочиненій извѣстнаго путешественника XII вѣка Веніамина Тудельскаго читаемъ, что когда онъ посѣтилъ Месопотамію, то туземцы указывали ему на холмъ, остававшійся на развалинахъ древней Борсиппы, какъ на мѣсто башни смѣшенія языковъ³⁾. Этотъ холмъ, представляющій изъ себя груду развалинъ и поражающій своею обширностію и объемомъ, существуетъ и въ настоящее время, и составляетъ все, что осталось отъ древней Борсиппы и, въ частности, отъ вавилонской башни; народное преданіе называетъ его „Бирсъ-Нимрудъ“, т. е. башней Нимрома⁴⁾. Высота этого холма 46 метровъ; въ основаніи зданія, насколько можно видѣть по нынѣшней формѣ холма, лежалъ прямоугольникъ, окружность котораго была болѣе 700 метровъ⁵⁾.

¹⁾ Tiele. Babylonisch-assyrische Geschichte. I. Teil. S. 88.

²⁾ Der Midrasch Bereschit rabba, übers von Wünsche. S. 172.

³⁾ Benjamin. Itinerarium. Antwerp. 1575. P. 71.

⁴⁾ Въ „Dictionnaire de la Bible“ par Vigouroux, fasc V, p 1345—1346 есть отчетливое изображеніе большого, высокаго искусственнаго холма,—нынѣшняго состоянія „Бирсъ-Нимрудъ“.

⁵⁾ Vigouroux Dictionnaire de la Bible. Fasc. V. P. 1349.—Menant. Babylone et la Chald e . P. 187—189.

Четыре съ половиною тысячелѣтія лежатъ уже на томъ же мѣстѣ эти камни,—свидѣтели возникновенія народовъ и царствъ, свидѣтели долгой исторической жизни древняго человѣка...

C. Песоцкій.